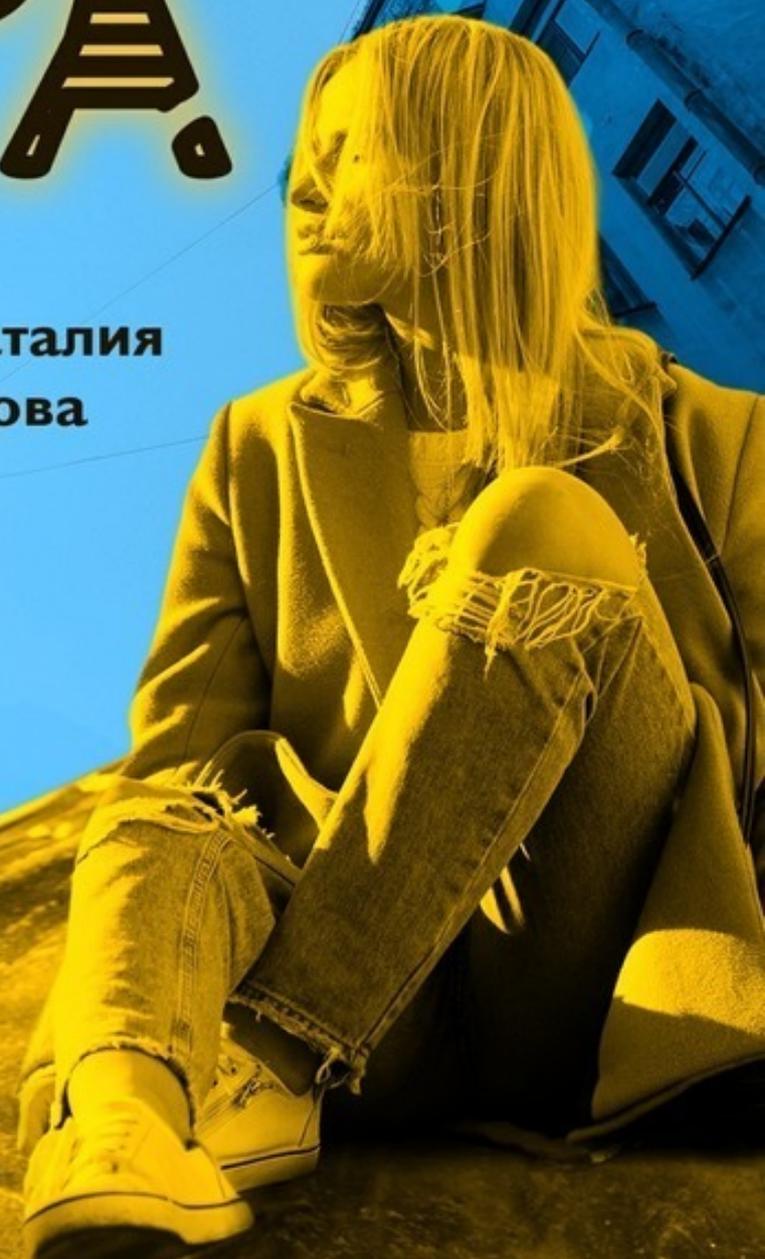

К.И.-
К.И.-
МО -
ДА

Наталья
Шитова

Наталия Шитова

**Кикимора.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Шитова Н.

Кикимора. Фантастический роман / Н. Шитова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904110-4

Кикиморой может стать каждый, это непредсказуемо. Никто не знает, почему здоровый ещё вчера человек сегодня может стать существом, опасным для окружающих. Сложные и неумолимые законы, по которым приходится теперь жить, оставляют так мало места для человечности... Волей судьбы юная Лада оказалась в самом центре событий, которые грозят разрушить и её собственную жизнь, и жизни тех, кто ей дорог. Как всё выдержать и преодолеть? Есть один способ: любить и оставаться человеком.

ISBN 978-5-44-904110-4

© Шитова Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	38
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кикимора Фантастический роман

Наталья Шитова

© Наталья Шитова, 2018

ISBN 978-5-4490-4110-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Чердак был натуральным бомжатником: мусор, пылица, да и вонь ещё та.

Я поспешила к окну воздуха глотнуть и выглянула наружу.

– Лада, ты его видишь? – послышался из динамика искажённый помехами голос Марецкого.

– Нет, не вижу. Куда смотреть-то?

– Справа крыша блестящая.

– Ну?

– Выход на крышу видишь? Теперь ещё правее смотри, там ящик железный... ну, короб такой здоровый. И за ним...

Мне пришлось высунуться из развороченного оконного проёма. В самом деле, из-за железного ящика торчала замызганная кроссовка. Конечно, Лёха Марецкий со своей оптикой запросто это разглядел с крыши дома напротив.

– Ну да, увидела. Я иду тогда?

Динамик взорвался оглушительным хрипом. Я поморщилась и вытянула руку, отводя рацию подальше от себя.

– ... пока мы не подойдём! – проорала рация конец фразы.

– Пока вы подойдёте, – ответила я. – Он и вниз сиганёт.

– Ну... будем надеяться...

– Как в прошлый раз?

– Ладка, не смей без прикрытия! – жёстко приказал Лёха. – Он в любом случае того не стоит.

– А вдруг стоит? Ладно, не ори. Я быстренько и аккуратненько.

– Ладка, я тебя убью! И начальству на тебя накапаю!

Я надула щёки и медленно выдохнула. Я и сама вечно за всех трясусь, особенно, когда не знаю точно, что именно происходит, но тут-то что тянуть? Что может мне сделать обесилевший, загнанный в угол пацан?

Я чуть-чуть сдвинула колёсико тюнера в сторону и сказала в микрофон:

– Что-что?.. Лёша, помехи сильные, не слышу ничего.

Рация в ответ зашипела, только что не расплевалась.

– Не слышу тебя!.. Подбегайте, короче, а я пока пойду его займу чем-нибудь.

Я сунула шипящую рацию в держатель на предплечье и вылезла через окно на крышу.

Сначала под ногами были ржавые листы кровли, мои ботинки почти не скользили, и до стыка с соседним домом я добралась быстро и просто. А потом пришлось чуть ли не ползти по блестящей новёхонькой крыше, и как я ни старалась, сделать это тихо у меня не вышло.

Парень меня, конечно же, услышал. Кроссовка скрылась за ящиком. Я сразу же замерла и прислушалась. Ни шагов, ни стука, ни других звуков. Значит, не убегает, по крайней мере, пока.

По блестящему скату я съехала на пятой точке и присела по другую сторону железного ящика.

– Эй, ты там? – окликнула я наугад.

Он не ответил.

– Не бойся, я тебя не трону. Давай поговорим.

Ответа не было. Ничего удивительного. Возможно, что он даже меня не понимает, а может и вовсе уже не слышит.

– Я сейчас за ящик зайду, хорошо? Ты не дёргайся, всё нормально будет.

Я выпрямилась и сделала несколько коротких шажков, обходя здоровый металлический короб кругом. Я была готова к любому развитию событий. Парень мог сидеть, как вкопанный, мог кинуться наутёк – если, конечно, было, куда. А мог и напасть. Тут до последнего неясно, что тебя ждёт.

Он напал. Ну, попытался хотя бы: выскочил на меня, толкнул обеими руками в плечи. Но он был уже слишком слаб. Будь он покрепче, запросто сбил бы меня с ног. Но я резко подалась в его сторону, и он отлетел назад, как мячик, и рухнул на блестящую сталь с грохотом.

– Ну-ну, хватит! Ни к чему это тебе сейчас, – сказала я осторожно. – Хватит.

Он подобрался, обхватил колени, низко склонил голову в капюшоне.

Я присела на корточки в паре метров от него.

– Эй, ты как?

Он ещё больше съёжился.

– Посмотри-ка на меня!

Парень шевельнулся, медленно поднял голову. Из глубокой норы капюшона на меня взглянули воспалённые, почти безумные глаза.

– Совсем плохо, да? – уточнила я, чисто для того, чтобы хоть что-то сказать. Ответ был мне не нужен, и так всё ясно.

– Отойди от меня, – еле слышно проговорил он.

– А я и не подхожу, – я села прямо там, где была. – Видишь, не подхожу... Ты скажи, давно не спал?

Беднягу аж затрясло.

– Не бойся ты, всё нормально будет. Боишься, назад вернём? Не бойся, в другое место поедем. В хорошее место, тебе понравится... Так ты давно не спал?

Он кивнул.

– Когда последний раз?

– Да никогда... – прошептал парень. Дрожь била его всё сильнее. – Не помню уже, когда...

– Они тебя кололи, что ли?! – догадалась я. – Вот уроды!

Парень то ли всхлипнул, то ли вздохнул.

– Знаешь, на твоём месте я бы плюнула на всё и уснула. Прямо здесь и прямо сейчас.

Он запрокинул голову, и капюшон свалился.

Совсем пацанёнок, лет шестнадцать-семнадцать, с каким-то невнятным пушком вокруг губ, бледный, как мел, и глаза полумёртвые.

– Правда-правда, – кивнула я. – Спи. Засыпай, а я с тобой посижу, чтобы никто не трогал.

Парень облизнул сухие губы, судорожно сглотнул и снова опустил голову.

За моей спиной по крыше застучали торопливые тяжёлые шаги.

Парень вздрогнул и попытался подняться на ноги.

– Сиди! – приказала я. – Никто тебя не тронет, я обещаю!

Ребята уже были совсем близко.

Не оборачиваясь, я вскинула руку:

– Стойте! Не подходите, я сама! Стойте там!

Они остановились.

Я чуть двинулась вперёд. Парень отпрянул и вжался в покатую стенку позади себя. Ну, ему хотя бы бежать некуда, уже хорошо. А если он ещё и будет умничкой, может быть, и без применения силы обойдёмся.

– Лад, не мучайся, – проговорил Алексей. – Давай, тут дел на две секунды...

– Ты торопишься?

Лёха нетерпеливо фыркнул, но промолчал.

– Слушай, – обратилась я к парню. – Там, откуда ты сбежал, плохо было. Как думаешь, может быть где-то ещё хуже?

Он покосился на меня и неопределённо передёрнул плечами. Что ж, вопросы понимает, реагирует, эмоции вполне адекватные. Но всё может измениться за пару минут до неузнаваемости.

– Тебя как зовут?

– Р-р-р... – неожиданно запнулся парень. Ой, совсем плохо, совсем мало времени у нас. – Р-роман.

– А я Лада. Знаешь, чем я занимаюсь?

Парень с трудом сфокусировал взгляд на моём лице и неуверенно мотнул головой. Молодой ещё, любопытный, удержаться старается, молодец.

– Я хожу вот с этими бугаями, – я кивнула в сторону ребят. – И не даю им никого калечить. Потому что всё можно уладить. Всё можно поправить, если только выспаться хорошенько. Правда?

Мне показалось, что у мальчишки в глазах блеснули слёзы.

Я двинулась вперёд ещё немного. Парень не пошевелился, только напрягся.

– Ну-ну, не надо, – я протянула руку и коснулась худой длинной ладони, обнимающей колени. – Не бойся. Ты сейчас уснёшь, и я отвезу тебя в спокойное безопасное место. И никто не станет тебя будить, пока сам не проснёшься. Я тебе обещаю.

– Не врешь? – почти неслышно уточнил он.

Я покачала головой:

– А оно мне надо? Чего уж проще скрутить тебя. А я помочь хочу.

Я стала легонько и ласково поглаживать его. Он вздрогнул поначалу, но сопротивляться не стал. Я протянула ему левую ладонь:

– Дай руку.

Он послушался и вцепился в мою ладонь сильно и даже немножко больно.

– Когда выспишься, всё станет по-другому, правда. Давай, Ромка, закрывай глаза, а я с тобой посижу...

Парень послушно прикрыл глаза. Я всё гладила его по плечу и чувствовала, как постепенно слабеет его рука, сжимающая мою. Ещё пара минут, и...

И тут сзади ноги загрохотали по металлу. Мальчишка вскинулся, напрягся, схватил меня обеими руками за плечи, повалил на себя, потом перевернул и навалился сверху... Глухой удар, и парень мгновенно обмяк.

– Лёха, блин! Что тебе не стоялось-то?! – заорала я на Алексея, который стащил с меня тело мальчишки.

– Ну, извини, – виновато проговорил Алексей. – Мне показалось, он готов уже.

– Что значит «показалось»? А я тут для чего?! Стоял бы и ждал, пока я не скажу! Зачем вот так, ни за что, на пустом месте?! – прошипела я, вставая.

Алексей с напарником склонились над мальчишкой.

– Да живой он, – сказал Лёха. – Ну, будет шишка на затылке. Делов-то.

– Я ему обещала!..

– Ладка, не дури, – вздохнул Алексей. – Мало ли, кому ты что обещала... И вообще, хватит разговоров. Мы ещё дело не закончили. Как спускать будем? Может, брезент принести?

– Да не надо, пожалуй, – задумчиво проговорил Лёхин напарник. То ли Петя, то ли Федя, этого новенького я совсем не знала. – В нём килограммов шестьдесят, вряд ли больше. Я его так сволоку.

– Ну, давай, – согласился Лёха. – На поворотах только осторожней, а то голову ему о стену разнесёшь.

То ли Петя, то ли Федя взвалил мальчика на плечо, подбросил, укладывая поудобнее, и полез со своей ношей в ближайшее чердачное окно.

– Ну, что ты на меня волком смотришь? – укоризненно спросил Алексей, когда я взглянула на него.

– Он уснул бы через минуту!

Алексей только устало отмахнулся:

– Ай, брось. Всё равно он потом и не вспомнит, что было, где было, с кем было... Сейчас закинем его по адресу, и всё, можно закрыть заказ и вахту сдать.

– По какому адресу?

– Ну, как по какому? – пожал плечами Лёха. – К заказчику, в пансионат. Точнее, в санаторий закрытый, откуда этот кадр дёру дал.

– Нет уж. Никаких заказчиков и никаких пансионатов! Везём его к Эрику.

– Ага, ага, – покивал Алексей. – Ты ещё тут покомандуй.

Вот здесь Лёха со своим сарказмом был в тему. Ему не полагалось делать ничего, помимо того, что приказано. А приказано было выполнить частный заказ и отловить беглеца. И приказ ему отдавала не я.

Я вытащила телефон и набрала Эрика. Когда дядя ответил, я описала ему наш рейд коротко, но в красках.

– И что ты предлагаешь? – без энтузиазма уточнил Эрик.

– Я везу его к тебе.

– Почему?

– Потому что нельзя его возвращать туда, где его держали.

– Лада, я знаю, что ты весь свет готова пожалеть, но давай как-нибудь пореже, а? Через два раза на третий хотя бы... У меня мест нет.

– Эрик, я обещала ему помочь!

– У меня подвал не резиновый.

– Эрик, он совсем сопливый ещё. А его там кололи, и похоже ментолином.

– Оу... – отозвался Эрик. – Ты уверена?

– Насчёт ментолина – не гарантирую, но пацана до полусмерти залечили.

– Ладно, я сам разберусь. Вези... Скажи старшему группы, чтобы заказ держал открытым.

Я убрала телефон и повернулась к Алексею:

– Парня везём к Эрику. Заказ не закрывай.

Алексей только воздел руки и возвёл глаза к небу.

– Вот почему, Ладка, как только ты идёшь со мной, так ни одно дело нормально не заканчивается?

– Не знаю. Совпадение.

– Кому совпадение, а кто опять мимо премии, – проворчал Лёха себе под нос. – Ладно, давай в машину.

Я пошла к чердачному окну, Алексей поплёлся за мной.

Мы влезли на чердак, спустились на лестницу, и я поскакала вниз, держа руку на перилах и заглядывая в почти бездонный лестничный пролёт, завивающийся спиралью.

– Эх, Ладка, чокнутая ты девица, но я тебя всё равно люблю! – провозгласил Лёха позади меня.

– Что тебя опять на любовь разобрало? На мой зад пялишься?

– Я не пялюсь, я люблюсь... И вообще, может, всё-таки выйдешь за меня?

– Ага, счас, бегу уже.

– Что ж так?

Лёха любил такой безобидный трёп, но он меня только в невинной нежной юности забавлял, теперь утомляет. И я буркнула, чтобы отвязаться:

– Я тебе сто раз говорила: ты не в моём вкусе.

– Ну вот, всегда так... – притворно заныл он.

Сил моих нет... Мы с ним знаем друг друга лет сто. Восемь, если точно. Мужу уже под сорок, а он всё дурачится и, что особенно раздражает, не меняет пластинку.

Я резко остановилась и повернулась к нему.

– Слушай, Лёш, а ты никогда не думал, а что будет, если я вдруг соглашусь?

– На что? – удивился он.

– Замуж.

Я сделала пару шагов и, даже стоя на ступеньку ниже, оказалась вровень с ним, глаза в глаза.

– Ну, что замолк? Страшно?

Алексей усмехнулся и покачал головой.

– Пошутить нельзя? – спросил он со вздохом.

– Я выросла для таких шуток, если ты не заметил.

Мы снова двинулись вниз, я впереди, Алексей за мной. Больше он не проронил ни слова.

Глава 2

Тонкие пальцы Эрика осторожно раздвинули веки мальчишки, и свет фонарика ударил в застывший зрачок. Через пару секунд Эрик задумчиво хмыкнул, выключил фонарик и повернулся к портативному анализатору, что стоял на столике. Из приёмной щели прибора торчал кончик полоски с образцом крови. Эрик посмотрел параметры сначала в одном режиме, переключил на другой, снова обратно, потом с недовольной гримасой выключил прибор.

– Ну, что? – осторожно уточнила я.

– Что, что... – передразнил меня Эрик. – Спасибо тебе, вот что. Ты мне привезла экземпляр, который вот-вот концы отдаст.

– Да ладно? – я искренне удивилась. – Знаешь, пока Лёха не дал ему по затылку, он был вполне живой. И соображал даже.

– С трудом верится, – покачал головой Эрик. – У него в венах ментолина больше, чем крови. Я впервые вижу, чтобы при таком отравлении человек был ещё жив.

– Может быть, его постепенно приучили к такой концентрации. Может быть, это для него почти норма...

– Не сочиняй, – строго оборвал меня Эрик. Но, помолчав немного, нехотя добавил. – Да чёрт его знает, всё может быть. Эти лицензированные коновалы вообще не думают, что делают...

– Он выживет?

Эрик неопределённо пожал плечами:

– Понятия не имею. Если бы только отравление... Это же ещё и кокон. Очень глубокий.

– Разве такое возможно? Чтобы человек, настолько накаченный ментолином, впал в кокон?

Эрик многозначительно развёл руками:

– Вчера я бы сказал, что невозможно. Но теперь не буду же я отрицать очевидное.

– И ты не можешь ему помочь?

Такие ситуации моему дядюшке – как острый нож. Вопрос личного и профессионального престижа. Правда, надо отдать Эрику должное: в том, что касается дела, он никогда не лжёт и не пытается себя ни выгородить, ни оправдать.

– Нет, Лада, помочь ему я не могу, – вздохнул Эрик. – Состав его крови на данный момент таков, что нельзя применить ни один стандартный препарат. Получившаяся адская смесь его убьёт наверняка. Нестандартных средств у меня нет, и взять мне их негде. Если, как ты предполагаешь, его организм хоть немного привык к такой концентрации ментолина, он справится сам. Сначала ему надо переработать отраву, потом выбраться из кокона. Если он это сможет, я помогу ему восстановиться. Если нет – извини, Лада, я ничего не смогу сделать. Всё, что я пока могу ему дать – вот эту каморку и полный покой.

Я оглядела крошечную клетушку без окон, подсвеченную под потолком несколькими неоновыми трубками. Раскладушка, застеленная сначала резиновой, а сверху впитывающей простыней, да квадратный столик в углу – вот и вся обстановка. Места в помещении совсем не остаётся. Но зато мальчишка теперь может или спокойно умереть, или спокойно прийти в себя.

– Да, а что с заказом? – вспомнила я. – Представляю, что нам скажет Карпенко.

– Я с Виталькой сам разберусь, – отрезал Эрик. – Шуму будет много, как всегда, но он поймёт.

Эрик напоследок бегло осмотрел лежащего на раскладушке парнишку, прикрыл его старой залатанной простыней и махнул мне:

– Пока всё. Пойдём.

– Кто за ним присмотрит? – уточнила я, покидая каморку вслед за Эриком.

– У меня полно добровольцев, – усмехнулся Эрик, кивая в сторону общей комнаты, откуда слышался нестройный гул.

Подопечным своим Эрик доверял полностью, и мне это всегда казалось совершенно неоправданным легкомыслием.

– Ты уверен, что никто из них не сорвётся?

– У меня не тюрьма, Лада, – устало вздохнул Эрик. – Я для чего тут торчу? Чтобы дать им шанс. И они все неплохо справляются.

– Даже Вероника?

Эрик усмехнулся:

– Она ведёт себя образцово.

– О, Боже... – только и пробормотала я. – Нашёл образец. Когда-нибудь она тебя сожрёт и не подавится.

– Надеюсь, что нет, – твёрдо возразил Эрик. – А если ты так волнуешься, может быть, сама хочешь помочь? Подежурить ночью? У меня ещё четверо в кофоне, не такие тяжёлые, конечно.

– Я бы помогла, но у меня сегодня свидание.

– А, – равнодушно отозвался Эрик. – Ну, удачи.

Я кивнула и пошла к лестнице, ведущей из подвала наверх.

– Лада! Я забыл совсем... – окликнул меня Эрик. – Деньги-то... У меня наверху, в кабинете.

– Да не надо, – отмахнулась я. – Есть у меня пока.

– Правда?

– Да правда, правда. Думаешь, я на паперти побираюсь?

– Кто тебя знает, – проворчал Эрик.

Я поднялась наверх и, не заглядывая в кабинеты, выскочила наружу.

На парковке около здания, кроме машины, на которой мы привезли парнишку, появилась ещё одна: здоровенный джип Виталия Карпенко, начальника дружины. Сам Виталий стоял, опираясь задом о капот, и говорил по мобильному. Увидев меня, он взмахнул рукой и поманил к себе. Пока я к нему подходила, он убрал телефон.

– Ну, что? Опять за старое? – хмуро уточнил он.

Хороший у нас начальник, хотя лучше его не злить.

– Опять, – подтвердила я. – Извини, Виталик.

– Виталий Сергеевич, – строго поправил меня Карпенко. – Это я тебе на шашлыках Виталик. А здесь Виталий Сергеевич.

– Извините, Виталий Сергеевич, – кивнула я. – Да, опять. Лёха Марецкий пожаловался? Карпенко насупился:

– Не пожаловался, а доложил. Или ты считаешь, что все должны твою самостоятельность покрывать за моей спиной?

– Нельзя было этого парня возвращать...

– Я сейчас не об этом! – оборвал меня Карпенко. – А о том, что в этом месяце это уже шестой коммерческий заказ, который мы не выполнили... Из-за твоего вмешательства, между прочим.

– Ну, я же не виновата, что это такие заказы, которые нельзя выполнять. Эрик же должен был тебе всё объяснить. И сейчас подтвердит, что так нужно было.

Виталий Сергеевич тяжело вздохнул:

– Послушай... Я очень ценю то, что твой дядя делает. Я уверен, что ни у кого больше нет такого прекрасного специалиста по ККМР, как у нашей дружины. Как его начальник, я

готов его покрывать. Как его друг, я буду ему помогать. Но у нас в дружине очень немногие работают за идею. А если и за идею, то, как правило, не за ту, за которую бьётся Эрик. А ещё ребята работают просто за деньги. И если не будет коммерческих заказов, мне либо нечем будет платить людям, либо будет не на что содержать замечательный подвал твоего дяди. Если меня отстранят к чёртовой матери, я найду, чем прокормить семью. А вот Эрика тогда в любом варианте ждут серьёзные неприятности...

– Виталик, ну должен же быть какой-то выход!

Он покачал головой:

– Нет тут выхода, Лада. Мы превратили обыкновенную передержку-накопитель в подпольную клинику. Хорошо ещё, что знают об этом только те, кому можно доверять. Но любая утечка информации или обиженный дотошный дружинник – и будут немалые неприятности. Кстати, ты уж и о себе вспомни, на каких правах ты тут деятельность развернула.

– А я сколько раз тебя просила – оформи меня нормально, как полагается! А ты всё: «Вакансий нет! Вакансий нет!» Да они всегда есть, вакансии, будто я не знаю!

– Для тебя – нет! – жёстко отрезал Карпенко.

– Это почему ещё?!

Виталий отвернулся. Его и без того суровое лицо стало мрачнее тучи.

– А если подумать, Лада? Самой не догадаться?

– Виталик...

Он уставился мне прямо в глаза:

– Да, Лада. Да. Прямой наследственный риск. И с этим я ничего не могу поделать.

– Виталик, ты же знаешь, что я здорова!

– И я очень этому рад, – угрюмо буркнул Карпенко. – Потому что даже представить боюсь, что бы мне пришлось делать, будь это не так! Но ты встань на моё место. Я терплю тебя и твою самодеятельность только ради Эрика. Не будь его, я не стал бы делать вид, что ты одна из нас.

Я смолчала. Что ж, по крайней мере, Карпенко честен со мной. Сначала стоит оценить это, а уже потом можно оскорбиться.

– Ты вот что, – проговорил Карпенко уже помягче. – Отныне в рейдах тебе делать нечего. Ребятам я приказ уже отдал. Если я ещё раз узнаю, что ты опять прилепилась к какой-нибудь группе, мне придётся принять меры. Кто из дружинников мой приказ нарушит – вылетит вон.

– Как скажете, Виталий Сергеевич, – я резко повернулась и пошла к воротам.

– Лада, постой! Это для твоего же блага!..

Я обернулась на ходу:

– Я всё поняла, Виталий Сергеевич. Для моего блага, конечно же. Для чего же ещё?!

Догонять он меня не стал. Да и зачем ему лишние телодвижения? Особенно ради такой, как я.

Глава 3

В это кафе я всегда заходила неохотно. Есть в этом месте нечто тревожное. А, может быть, мне так только кажется, потому что, как на грех, почти всякий раз, как я тут бываю, случаются какие-нибудь мелкие неприятности. Сама бы я сюда не пошла, но у Макса тут неподальёку надзорное задание, поэтому ему было удобно встретиться здесь.

Я немного опоздала. Не потому, что такая вот я фифа непунктуальная, скорее, наоборот. Но тут надо было статус выдержать. Максу нравится, когда я такая вся девочка-девочка, такой вот прямо классический вариант. Мне кажется, он одобрит даже, если я засуну свой телефон в розовый меховой чехол с ушами. И уж тем более нормально, если я опоздаю.

Кафе внутри напоминало вагон: в узком длинном зальчике единственный проход между рядами столиков. Да и посетители сидят, как в электричке: на двухсторонних диванчиках, спина к спине.

Я застряла на пороге, вглядываясь в посетителей. Выяснилось две вещи: Макса ещё нет, а свободных столиков уже почти нет. Последнее не новость: это мне место не нравится, а народ сюда валом валит, особенно, как нынче, под вечер пятницы. Здесь можно спокойно сидеть-пить-курить-говорить, музыка негромкая, официанты расторопные. А вот то, что Макс опаздывает, это странно. За ним такого не замечено.

Единственный полностью свободный столик был прямо рядом с выходом. За следующим сидел некто с чёрной кожаной спиной и коротко стриженным затылком. Я прошла и села на диванчик позади одинокого посетителя лицом к двери, чтобы Макс меня сразу обнаружил.

Не очень-то приятное местечко у двери, но зато музыка здесь еле слышна, разговаривать не мешает.

Официант с улыбкой положил передо мной несколько буклетов меню и, шагнув в сторону, обратился к стриженному затылку:

- Вы готовы заказать?
- Нет пока! – раздражённо рявкнул тот. – Сначала дождусь знакомого.
- Как скажете, – официант пошёл дальше.

Злыдень за соседним столиком что-то буркнул ему вслед.

В дверях зала возник молодой мужчина, высокий, печальный, с романтическими такими длинными до плеч волосами. Ещё бы ему шёлковый бант на шею и палитру с кистями в руки.

Он скользнул взглядом по залу, но, видимо, не увидел того, кого искал. Нахмурившись, он стал смотреть внимательнее, а потом не его лице нарисовалось облегчение, и он решительно прошёл к соседнему столику.

- Здравствуй!
- Привет, – равнодушно согласился злыдень прямо за моей спиной.

Голос у него был приятно глубокий и ровный. Наслаждаться бы таким голосом, если бы от него льдом не шибало.

- Извини, пробки пятничные, – виновато сообщил пришедший.
- Проехали, – фыркнул стриженный. – Зачем я тебе понадобился?
- Повидаться.
- Филька, ты обалдел, что ли?! – перебил его стриженный. – Повидаться ему... Зачем?

Чего ты у меня не видел?

- Тебя я не видел. Ты что, забыл, сколько лет назад мы вот так виделись?
- Ну, ё-моё... – тяжело вздохнул Филькин собеседник. – Я уж думал, случилось что.
- А и случилось. Отцу всё хуже, из больниц не вылезает.

– Если он хочет меня услышать, дай ему мой номер.

– Ник, ты же знаешь, – совсем убитым голосом заговорил Филька. – Звонить он не будет. Как бы плохо ни было. И мама не будет...

Я бы ещё послушала моих странных соседей, но тут позвонил Макс.

– Ты уже там? А вот отменяются наши посиделки, – печально сообщил он мне. – Скажи спасибо дядюшке своему, он меня клонировал и послал в такие разные места, что я не представляю, как мне всё успеть.

– Ну, как всегда... – фыркнула я. – Иногда мне кажется, он делает это нарочно.

– Не исключено, – подтвердил Макс. – Ты как, доберёшься одна?

– А что может мне помешать? Время детское, транспорт ходит. Да и рация при мне.

– Извини, Лада, я не виноват, правда...

– Да брось, дело житейское, – поспешила я успокоить его. – Ты там будь поосторожнее, чтобы не как в прошлый раз. А то у меня в аптечке йод заканчивается, и пластырь на исходе.

Я убрала телефон и с минуту соображала, прямо сейчас мне встать и уйти или что-нибудь съесть-выпить, чтобы потом об ужине не думать.

И тут два спорщика за моей спиной напомнили о себе.

– ... Тогда зачем ты меня сюда вытащил? – замечательным своим голосом возмутился стриженный затылок. – И какого чёрта я тут делаю?!

– Ник!..

– Да что «Ник»?!.. Филька, это ты меня послушай ещё раз, если до сих пор не понял. Ничего не изменилось и не изменится. И обиды мои тут ни при чём. Я делаю то, что они от меня потребовали, ничего больше. Никогда они не станут искать контакта со мной, у них принципы. У меня тоже.

– Ник, они стареют...

– Я тебе страшную тайну открою, братик. Я тоже старею. И лучше тебе не знать, как это выглядит. И не уговаривай меня, я к ним близко не подойду. Я предвыборную агитку нашей маман читал на той неделе. Бла-бла... и в конце, как принято: «замужем, есть взрослый сын». Кого из нас она в виду имеет? Уж не меня ли?

– Послушай... – проямлил забитый аргументами Филька.

– Нет, – спокойно, но твёрдо сказал Ник. – Это ты слушай. Если они не выдержали того, что было тогда, а тогда случился всего лишь невинный каминг-аут, то с тем, что я есть сейчас, я к ним даже близко не подойду. И видеться мы с тобой больше не будем, потому что я знаю, что тебе это тоже не надо. Ты выдумал себе святую обязанность и дёргаешь меня... Запомни, Филипп: ты мне ничего не должен. И я не должен, никому. Если вдруг какая чрезвычайная ситуация, и я буду нужен тебе – не им – то звони. Но никаких больше родственных свиданий для «повидаться», тебе ясно?

– Ник... Может быть, я могу тебе чем-то помочь? – робко предложил вконец расстроенный Филька.

– Чем?! – саркастически бросил Ник. – Я прекрасно помогаю себе сам.

– Может, денег?..

– Ой, иди ты, куда подальше... – простонал стриженный. – Не беси меня. Всё, давай прощаться, и вали отсюда. Уходи от греха. Я пока посижу, докурю.

Они замолчали.

– Я совершенно серьёзно, Фил, – подал голос стриженный. – Не бери в голову мои проблемы, я справляюсь. И денег у меня достаточно. Иди, всё, хватит... Как твоя выставка, кстати?

– Какая? – рассеянно уточнил Фил. Неужели я угадала, и он в самом деле художник?

– Что значит, какая? – усмехнулся стриженный. – Эта самая. Я рекламу видел.

– Да нормально... Как всегда.

– Ну, удачи тебе и этого... критики доброжелательной. Счастливо!

– Пока, – грустно отозвался Филипп и тут же прошёл мимо меня на выход.

Спустя пару минут поднялся и его брат. Прошуршав одеждой, он выбрался в проход и, не спеша, вышел из зала, засунув левую руку в карман длиннющего расстёгнутого кожаного плаща, а в правой держа недокурную сигарету.

Посмотрела я в его кожаную спину и подумала, что вот оно, как бывает. Не понимают люди, что у них есть. Вот у этого типа в плаще большая семья... ну, конечно, не очень большая, но в сравнении с моей так просто огромная, родители есть, брат имеется, а ради каких-то там принципов и старых обид чуть ли не в драку лезет.

И вроде бы, какое мне дело до чужих семейных дрызг... А аппетит подпортили. Я посидела ещё немного в ожидании, а вдруг всё-таки случится чудо, и позвонит Макс, и скажет, что получилось освободиться... Но увы.

Я виновато улыбнулась и покачала головой официанту, встала и вышла из кафе.

Улица, на которой располагалось кафе, была мне не нужна. Слишком большой крюк до цивилизации. Обычно мы с Максом сворачивали сразу направо и проходными дворами выходили на Марата, а там и в метро.

И я тоже повернула на привычную дорогу и вошла под низкую арку. Сначала один двор-колодец, потом второй, а дальше и третий...

Из-за тяжёлых низких туч белая ночь выдалась тёмной, и разглядеть что-то можно было только, если в окнах нижних этажей горел свет. Проблема в том, что в питерских старых дворах часто попадаются стены, в которых и окон-то никаких. Но ничего страшного, надо знать дорогу и не зевать по сторонам.

Едва я вышла во второй двор, услышала чуть в стороне возню. Глухие удары, пыхтение, вскрики, стоны. Из того, что с трудом можно было разглядеть, стало ясно: там кого-то били, толпой на одного.

Первым порывом было вернуться. Вот так просто на сто восемьдесят градусов и дёру. Первый порыв – он самый правильный, потому что вырастает из инстинкта. Жаль, что с инстинктами я не дружу.

Второй мыслью было быстренько-быстренько прошуршать мимо и продолжить свой путь. Мне же всё-таки нужно было именно вперёд, а не назад. Если не привлекать к себе внимание, то они и не заметят.

Но это ж всё варианты для людей нормальных, которые с головой более-менее дружат. Для меня же всегда есть третий вариант.

Я шагнула в их сторону и включила фонарик на телефоне.

Они остановились, бросив пинать свою жертву, и все дружно двинулись ко мне. Подростки вроде. Самое неприятное, что может быть: стая, в которой ни у кого нет царя в голове.

Я много лет живу среди крутых ребят, каждый из которых такую кодлу в одиночку может раскидать. Это создаёт иллюзию, что и мне такое всегда под силу. Но это не так, конечно же. И вот, когда сделаешь такую глупость, прямо сразу начинаешь жалеть, что Бог ума не дал.

Не особо прислушиваясь к тому, что гавкает шпана, подходя всё ближе и ближе, я сняла рацию с пояса. Общая волна у меня всегда настроена.

– Здесь Лада!.. Ребята, есть кто в районе Поварского?

– Группа Барина на Графском, – отозвался динамик. – Что стряслось, Лада? Проблемы?

– Да встретила тут компанию резвых дебилов... – начала я.

– О-кей, сейчас будем, – проговорил покладистый Барин. Он такой единственный в дружине, никогда не будет отмазываться, сразу же летит на помощь.

Я посмотрела на притихших подростков.

– Дождётесь дружинников? – кивнула я на рацию.

Кто-то глухо выматерился, но выступить вперёд не решился. Молча, напялив капюшоны пониже на глаза, шпана будто нехотя утекла куда-то дальше в подворотню.

– Всё, Дима, отбой! Проблема исчезла, – сказала я в микрофон, выключила рацию и сунула её на место.

Избитый парень всё ворочался в заполненной водой выбоине.

– Эй, ты как? – уточнила я, подойдя поближе.

– Да никак... – раздался снизу замечательный глубокий голос, в котором сейчас, кроме раздражения, слышалась и боль. – Иди себе, куда шла...

Я посветила под ноги.

Ну, точно: тот самый Ник из кафе. Только его длиннополое пальто было измазано грязными подошвами нападавших, а лицо и коротко стриженные волосы потемнели от крови.

– Ого, – присвистнула я. – Здорово они тебя. Помочь?

– Иди, я сказал, куда шла, – угрюмо повторил он, оперся о стену и с трудом поднялся на ноги. – Без соплюх разберусь.

– Да, ты разберёшься. Сейчас ты опять вырубись и нырнёшь в эту лужу.

Парень не ответил, просто стоял, держась за стену и приходил в себя.

– Может, позвонить кому? Чтобы приехали за тобой?

– Ты сама уйдёшь?.. – процедил он. – Или направление назвать?..

Я пожалала плечами, повернулась и пошла своей дорогой. Если этот извасюканный в грязи и крови тип способен хамить, то он точно во всём разберётся сам.

Я прошла под арку и уже была практически в следующем дворе, как услышала позади себя громкий такой, качественный «плюх». Поколебавшись, я вернулась.

Всё случилось, как я и предсказывала. Парень в плаще, судя по всему, потерял сознание и упал вниз лицом обратно в выбоину, заполненную доверху водой.

– Утонешь же, дурак, – проворчала я.

Ну и тяжёлый же он, зараза, оказался, словно весил не восемьдесят кило, а все сто восемьдесят. Всё, на что меня хватило – вцепиться ему в кожаный воротник и перевернуть навзничь. Посветила ему в лицо на всякий случай. Вроде живой...

Парень вздохнул, закашлялся, зашарил вокруг себя и медленно, с усилием сел.

– Ты ещё здесь? – хрипло уточнил он.

– Это ты ещё здесь. А мог бы уже и на том свете проставляться... Я же предупреждала тебя, здесь лужи – не то, чем кажутся.

Парень поёжился, встряхнул головой и махнул рукой:

– Убери свет!

Я выключила фонарик.

– У тебя телефон жив? А то, может, разбился или гопники унесли?

– Тебе-то он зачем? – фыркнул парень.

– Как ты помощь вызывать будешь? Силой мысли?

Он тяжело вздохнул, потом бросил сквозь зубы:

– Вот совсем не твоя забота.

Пошарив по карманам, он вынул телефон, покрутил, понажимал что-то, потом со злостью швырнул его в стену. Судя по звуку – на мелкие кусочки.

– Давай, я наберу. Диктуй номер, – решила я на последнюю попытку сделать этот мир лучше.

Парень задрал голову в мою сторону, помолчал.

– Ну, если ты после этого будешь крепче спать, то чёрт с тобой, – согласился он уже не так желчно, как раньше. – Мне бы такси. Вызови... пожалуйста.

Я уже нажала на вызов, как раздался сигнал рации, на этот раз уже по выделенному каналу. Я сунула телефон парню, до сих пор сидящему в луже:

– Говори... Адреса, то-сё... Давай сам...

А я взялась за рацию.

– Лада, это Баринов! Как там у тебя?

– Дима, ну, я же сказала: отбой! Разбежались говнюки.

– Так ведь и вернуться могли, мало ли что.

Заботливый Баринов. Нет, правда, хороший парень.

– Какое там вернуться! Они от одного слова «дружинники» скуксились. Всё хорошо, Дима, не волнуйся.

– Тогда ладно, – вздохнул Баринов. – Слушай, а правда?..

– Что?

– Что группа Лёхи Марецкого на тебя бочку накатила?

– Ну... – сама я бы ни за что не стала сор из избы выносить, но раз уж и так всё известно... – Накатила, получается.

– А что главный тебя из дружины выгнал, тоже правда?

Быстро же в нашем коллективе новости разносятся. Особенно плохие.

Я покосилась на вставшего на ноги потерпевшего и, сделав несколько шагов в сторону под арку, отвернулась. Ни к чему постороннему слушать то, что я говорю.

– Во-первых, я ж официально и не была никогда... – начала я, но Баринов меня решительно перебил:

– А кого это интересует, как оно было официально?

– Вот, заинтересовало, наконец. А во-вторых, да. Выгнал. Так что, Дима, больше я с вами на дело не пойду. Никого не хочу подставлять.

– Бред какой! – возмутился Баринов. – Какие подставы? От тебя в рейдах ничего, кроме пользы, не было. И зачем всё это? Кому теперь легче?

– Кому-то легче, значит. Премии у кого-то выше будут.

– Я попробую поговорить с главным...

– Даже не думай! – испугалась я. – Если Карпенко кого и послушает, то только Эрика. А если уж и Эрика не послушает, то тебя и подавно. Не лезь! Хуже только сделаешь, и себе, и мне.

– Эх... – сокрушённо вздохнул Баринов. – Что ж творится-то... Ты там не грусти, Ладка. Ты всё равно нам всем как сестра.

– Ну уж, скажешь. Не всем... Но спасибо, Дима!

Я повернулась к тому месту, где оставила побитого парня, и от всей души выругалась.

– Что у тебя там?! – удивился Баринов.

– Димка, прикинь: у меня только что самым извращённым способом спёрли мобильник.

Ни в луже, ни рядом с ней, ни в обозримом пространстве двора парня в длиннополом плаще видно не было.

Глава 4

Эрик беззвучно хохотал, прикрыв глаза ладонью.

– Смейся, смейся, – проворчала я. – Хоть какая-то польза от моего приключения: тебя развеселила.

– То есть он только что чуть не утонул в луже, и вдруг раз – и смылся? – уточнил Эрик ещё раз и снова захохотал. – А ты по дну пошарила? Может, он там ещё?

Я усмехнулась. Вот, кстати, да, надо было пошарить по дну, а то мало ли что.

– Ладно, не дуйся, – сказал Эрик, отсмеявшись. – Лучше пей чай, остынет. И печенье трескай, хоть всё до дна, если хочешь.

Я запустила руку в большую круглую жестянку со сдобным печеньем. Добрый дядюшка всегда поставит на стол последнее. Холодильник у него пустой хронически, не кулинар он у меня, да и не добытчик. Общепит и еда навьинос – наше всё. Но это не потому, что он лентяй или скряга, просто по-другому не получается, не умеет он жить иначе.

– Я сейчас посмотрю, в шкафу должен быть мой старый телефон, – проговорил Эрик, покидая кухню. Через минуту он вернулся и положил передо мной вполне приличную трубку. – Симку завтра восстановишь, и можешь пользоваться, мне он не нужен.

Сначала я хотела сразу ехать к себе, дожидаться Макса и жаловаться на судьбу. Но, подумав, решила заскочить к Эрику на Шелгунова. Не то, чтобы до его квартиры было ближе, просто сегодня от жалоб Эрику могло быть значительно больше пользы.

– Спасибо, – я убрала телефон.

– Удивительно, как ты ещё рацию ему не подарила, – уже совсем невесело заметил Эрик.

– Хоть и подарила бы. Зачем она мне теперь? – фыркнула я.

– Да, это точно, – угрюмо согласился дядя.

Он помолчал, задумавшись о чём-то, ссутулился над столом. Его длинные разлохмаченные пряди совсем завесили худое скуластое лицо.

– Я разговаривал сегодня с Виталием, – снова начал Эрик. – Разговаривал долго и не очень приятно. Решение своё он не поменяет.

Я взглянула Эрику в глаза. Он только пожал плечами и покачал головой:

– Ты же всё понимаешь.

– Что решение не поменяет, это я понимаю. Я не понимаю, кому плохо от того, что я помогаю уговаривать кикимор и ловить их без лишнего насилия?

– Ты жалеешь всех подряд... – начал Эрик, но я перебила его, может быть, даже слишком грубо:

– Далась вам моя жалость! Слышать про неё не могу больше! Не жалею я, Эрик! И не всех! Я никогда не вмешиваюсь, когда вижу, что дело безнадежно! Разве же я когда-нибудь привезла тебе кого-то, кого стоило пристрелить на месте?!

– Нет, нет... Конечно, нет! – Эрик всполошился, вскочил, схватил меня за плечи. – Не кричи, ты разбудишь Светку...

Что ж, ради неведомой Светки я была согласна заткнуться. Эрик тоже сел обратно на табурет.

Я снова взялась за печенье. Да, из дружины меня выгнали взащей, но это не повод ложиться спать голодной.

Эрик покашлял и поёрзал на стуле.

– Ты знаешь, Лада, почему я стал этим заниматься...

– Да, знаю почему. И даже знаю зачем: ты хотел мстить, – сказала я спокойно.

Он покачал головой:

– Нет. Не мстить. Да, я ненавижу твоего отца, потому что всё случилось из-за него. Но как можно мстить тому, кто не виноват в том, что опасен? Да и ненависть тут тоже бессмысленна. Иррациональна. Но иногда эмоции лезут, и не сладишь с ними... Я пришёл в дружину, чтобы остановить это безумие. Это оказалось невозможно. Тогда я решил продолжать ради того, чтобы спасти тех, кого можно спасти. А это практически никому не нужно. Наоборот, все боятся. Неизвестно, чего больше боятся: кикимор или начальства. А Карпенко не боится и даёт мне работать. Всё, что мы имеем сейчас: практику, клинические наработки, людей – мы можем всё это потерять, если подведём Карпенко. Мы молиться за него должны.

– Да ладно, что ты меня уговариваешь? Целую лекцию прочёл, а зачем? – вздохнула я. – Я не буду подводить Карпенко и, пожалуй, помолюсь за него сегодня на ночь.

– Правильно. Умница, – улыбнулся Эрик, хоть и невесело. – Так что давай договоримся: больше никаких погонь по питерским крышам и свалкам. Пусть те, кому положено, делают свою работу. Тебе хватит забот и в моём подвале.

– Нет, Эрик. Ничего я не буду делать в твоём подвале.

– Почему? – искренне удивился он.

– Чтобы не подводить Карпенко, – съязвила я. – Зачем ему на подконтрольной территории работник, не оформленный официально? Нет уж. Уходить – так уходить. Не нужна – значит, не нужна. Буду искать себе другое занятие.

Эрик устало вздохнул, кашлянул, потёр лоб.

– Лада, ты же знаешь, это невозможно.

– Разве?

– Или ты находишься в поле моего зрения, или...

– Или что?

– Тебе напомнить, где у нас ближайшее поселение для поднадзорных с наследственным риском? Хочешь в чёртову глушь? Жить в унылом посёлке за проходной и целыми днями кильку в томате паковать?

Каждое слово – как пинок.

– Но ведь ККМР не передаётся генетически даже от заболевших! А я родилась, когда отец был ещё совершенно здоров!

– Моего мнения, Лада, никто не спросил, когда готовили закон о поднадзорных группах риска. И теперь никому не интересно, что я думаю. Важно то, в каких обстоятельствах мы с тобой живём... – Эрик печально покачал головой. – Доказательств, что ККМР передаётся генетически нет, но нет доказательств и обратному. Совершенно никто не готов брать на себя ответственность. Все боятся: малый срок исследований, бессистемное накопление фактов, многовариантность прогнозов...

– Да заткни ты этот свой... научный понос! – разозлилась я.

– Тсссс, – зашипел Эрик, снова подскочил и обнял меня за плечи. – Успокойся...

– Это что ещё тут такое?! – раздался от двери ещё заспанный, но уже сварливый голосок. – Это кто у тебя?

Эрик раздражённо дёрнулся:

– Иди спать, Света! Это моя племянница, и у нас серьёзный разговор!

– Надо же! – фыркнула Света, которую мне так и не удалось разглядеть. – Ну-ну. Племянница так племянница. Разговор так разговор... А спать пойду, если орать не будете!

– Не будем, извини нас, – вздохнул Эрик и попытался обнять в дверях кухни свою гостью.

– Утром поговорим! – сурово отозвалась Света, не даваясь. – Племянница у него...

Эрик развёл руками и повернулся ко мне.

– Ну, ничего не меняется в родном доме, – буркнула я, доставая из коробки ещё одно печенье.

– А что должно было поменяться? – рассеянно переспросил Эрик.

– Поумнеть должен был кое-кто. Пора уже.

Эрик только горестно вздохнул и усмехнулся.

Моему дяде Эрику недавно перевалило за тридцать, и он старше меня всего на восемь лет, поэтому в быту я с ним особо не церемонюсь. А вообще-то я уважаю его безмерно и всей душой люблю, несмотря на то, что дядюшка мой – мужчина со странностями.

Эрик – бабник и однолюб. Этот фатальный парадокс решается на практике очень просто: Эрик постоянно заводит новых баб, но они все у него одинаковые. Одинаковые не внешне, типажи как раз меняются. Дамочки его похожи внутренне: душа Эрика тянется к полоумным истеричкам. Душа-то тянется, а вот мозг сопротивляется изо всех сил, поэтому дядины романы долго не живут. Обнаружив, что с очередной пассией снова не всё в порядке, как и с предыдущей, Эрик искренне огорчается. Мне-то всё понятно, и давно уже, а ему вот всё ещё нет. Бывает такое: вроде умный мужик, во всём разбирается, а если в чём и профан, так умеет сделать, что и не заметишь этого. Но с женщинами у него что-то не того. И не этого. И так каждый раз.

Я ему, конечно же, сочувствую. Помогла бы, если бы знала, чем. Пока же всё, что я могла сделать для Эрика и его нестабильной личной жизни, я сделала: съехала на съёмную жилплощадь. Ни одна из дам его сердца не хотела верить с первого раза, что наглая длинная девица – не самый, причём, уродливый экземпляр – что живёт с Эриком в одной квартире, всего лишь сиротка-племянница. И на этой почве обычно у них разгорался первый скандал.

Квартира эта, строго говоря, моя. Но съехала отсюда именно я и совершенно добровольно. Тяжеловато мне было в этих стенах. Когда-то я жила здесь с родителями. Тогда наша жизнь казалась мне обыкновенной, нормальной. Сейчас понимаю, что она была замечательная. Совершенно счастливая жизнь была, пока папа не заболел.

Мама боролась изо всех сил за то, чтобы наша жизнь не рушилась, чтобы хоть что-то могло оставаться прежним. Сейчас, возможно, это и получилось бы. За последние десять лет люди многому научились. Но тогда, когда всё только начиналось, и никто не знал толком, что это, и как с этим справляться, выжить кикиморе было непросто, а уж сохранить прежний уклад и семейный покой – совсем невозможно.

И папа с мамой тоже не знали, как с этим быть, как быть со мной, не подвергают ли они меня опасности. Я пыталась чем-то помочь, но они отталкивали меня. Папа почти перестал со мной общаться, а мама разрывалась между нами.

И как-то раз мама сказала мне, что они с папой должны уехать. Папе, мол, работу одну предложили в спокойном месте. А это так важно для папы – спокойное место. И вот они вместе уедут, наверное, ненадолго. Но не знают точно, на сколько. А я пока поживу с дядей. То есть, он со мной: не мне же к нему в общежитие перебираться.

Родители уехали, а студент Эрик, мамин младший брат, поселился в их комнате. Сложно сказать, кто за кем присматривал. Я стряпала что-то несусветное, вроде жареных бананов в шоколадном соусе, и никто, кроме меня, не мог это есть. Поэтому Эрик приносил себе вечерами пиццу и пиво, давал мне глотнуть под честное слово, что никому не расскажу. Мы не ссорились и не обращали друг на друга почти никакого внимания. В такой вольнице мне не особо-то и хотелось, чтобы родители быстро вернулись.

А однажды Эрику позвонили поздно вечером. Он выслушал, велел мне сидеть дома и ни в коем случае никуда не уходить без него, а сам исчез на несколько часов. Вернувшись, он долго сидел в родительской комнате, а потом вышел и, не глядя мне в глаза, рассказал, что мамы и папы моих больше нет.

Я не спрашивала, почему Эрик похоронил сестру и зятя на отдалённом областном кладбище, почему были закрыты гробы, и почему на похороны никого не позвали. В свои тринадцать я была уверена, что знаю ответы. И, как выяснилось чуть позже, я была права.

Кроме Эрика, у меня никого не осталось.

Опекунство Эрик оформил, хотя я долго не могла понять, зачем. Никаких нежных родственных чувств у него ко мне отродясь не было. Материальной заинтересованности тоже ноль, наоборот, одни расходы. Интересы ко мне Эрик не проявлял никакого, иногда даже и словом перекинуться вечером не считал нужным. Я была предоставлена самой себе, разрешения ни на что не спрашивала и о результатах своих походов никогда не докладывала.

Так мы жили с ним несколько месяцев, пока я в конце мая не поехала с друзьями за город. Как обычно, не спросила разрешения и не предупредила. Просто накупили с ребятами колы, чипсов и сникерсов и рванули на Финский залив коротать белую ночь и встречать рассвет.

Телефон у меня сел и выключился ещё до полуночи. Мы промёрзли до костей, промокли и проголодались, но было весело. И одноклассник, который мне безумно нравился, и с которым я мечтала целоваться по-настоящему, даже попытался слазить мне под юбку. Огрёб по первое число, бедняга... Потом, правда, был прощён под честное слово, что больше не будет, и мы торжественно поцеловались, и он отдал мне свою долю шоколадки. И впервые после гибели родителей мне было хорошо.

Домой я вернулась только к вечеру следующего дня. Там меня ждал зелёный от ужаса Эрик.

Он молча отхлестал меня по щекам. Было больно, но я не плакала, только орала на всю панельную пятиэтажку, что в гробу я видала такого хренового дядюшку, лучше бы он меня в интернат сдал, чем так жить, а ещё лучше и вообще не жить...

Это теперь я понимаю, что двадцатилетний парень сам почти что ребёнок. И ничего удивительного в том, что справляться со свалившейся на него ответственностью у Эрика не было ни желания, ни сил.

А тогда я ничего не поняла. Я не поняла, почему бледный, взъерошенный Эрик после моих воплей отвернулся к стене, и у него слёзы из глаз полились. Не поняла, но испугалась.

«Да ладно тебе, не реви. Мне и не больно совсем».

Слёзы Эрик быстро вытер и ничего мне больше не сказал. Только утром, когда возился с кофеваркой, промямлил угрюмо: «Чувствую себя сволочью... Не пугай меня больше, хорошо?» А уж какой тварью чувствовала себя я, про то я ему не сказала. Но пообещала, что жить мы с ним будем дружно, и пугать его я больше не буду. На том и сошлись.

Я выросла. Эрик заматерел. Он никогда больше не позволял себе меня даже пальцем тронуть. Мы действительно стали друзьями. Быть ласковым дядюшкой у него не особо получалось, но он очень обо мне заботился. И он был совершенно прав: только у него под крылышком я могла быть относительно свободной. Попытайся я куда-нибудь уехать или просто устроиться на работу на стороне, мне пришлось бы представлять все положенные документы. А карта моего электронного паспорта перечёркнута наискось светло-жёлтой полосой: «ККМР, поднадзорная группа наследственного риска». Самая гуманная группа, самая невинная, но с таким паспортом я всего лишь половина человека. Это сейчас – гуляй-не хочу, паспорт мой никому особо и не интересен, пока я нахожусь под опекой надёжного родственника и под официальным надзором питерской дружины.

– Ладно, Эрик, – я отставила чашку, нащупала в кармане новый старый телефон. – Спасибо тебе, пойду я, пока ещё не слишком поздно.

Я прошла по коридору к двери.

– Деньги-то! – крикнул Эрик мне вдогонку.

– Да не надо...

– Бери, бери! – Эрик сунул мне в ладонь сложенные вдвое купюры.

– Я завтра ночью подежурю в подвале, – сказала я, убирая деньги в задний карман джинсов. – Обязательно подежурю.

– Я не для того тебе денег даю, чтобы ты их отработывала. Просто я за тебя отвечаю.

– Так и я за тебя тоже отвечаю, – я улыбнулась дядюшке. – До завтра! Я подойду поближе к вечеру.

Глава 5

– Макс, а может, ну его? Не стоит возиться?

Тёмные глаза Макса взглянули на меня с укоризной:

– Ещё как стоит!

Он снова принялся целеустремлённо стучать по клавишам ноута, забыв про недопитый кофе.

– Лучше позавтракай нормально. Зачем на это время тратить? Эрик мне хороший телефон дал, сойдёт.

– Не в телефоне дело, Ладка, – назидательно возразил Макс. – Такое нельзя оставлять безнаказанным, чтобы неповадно было.

– Ну и как ты его найдёшь?

Макс фыркнул и уверенно взмахнул ладонью, дескать, без паники, не учи учёного.

– Ерундой ты занимаешься, Максим. Раз по запросу на пеленг ничего не вышло, значит, телефон выключен. Или выкинул он его, или аккумулятор сел давно...

– Во-о-т. Поэтому... – Макс ударил по клавише ввода и поманил меня. – Поэтому зайдем с другой стороны. Поищем среди развлекательно-зрелищных мероприятий.

– Кого? Этого Ника?!

– Зачем Ника? Брата его Фильку. Ты же лицо запомнила?

– Да.

– Тогда смотри внимательно, вот афиши всех художественных выставок, которые сейчас проходят в Питере. Раз у него даже критика есть, значит, не ерунда какая-нибудь, а что-то солидное.

Я встала у Макса за спиной, обняла его за шею и уставилась в экран.

Макс неторопливо прокручивал бесконечную ленту с афишами. Далеко не на всех были фотографии самих творцов, поэтому я сосредоточилась на именах.

– Стоп, стоп! Вернись-ка назад. Там был какой-то Филипп...

Оказалось, не художник. Филипп Корышев, скульптор, малые формы. Выставка в Таврическом дворце. Фотографии скульптора на афише не было, только изящный бронзовый единорог.

– Странно. И фамилия знакомая... Макс, проверь-ка его.

Поисковик выдал несколько снимков с открытия выставки. Это было именно тот самый Филька из кафе.

– Ну, надо же... – пробормотал Макс, продолжая озадачивать поисковик. – Семейка у него интересная. Отец – владелец небольшой фармацевтической фабрики в Питере. Мать – политикой занимается, сейчас выдвинулась аж в губернаторы.

– А, так вот почему фамилия знакомая.

– Ну, да, – кивнул Макс на окно. – Вот, выгляни наружу: на перекрёстке рекламный билборд.

Я отцепилась от шеи Макса и вышла на балкон. Внизу на перекрёстке с огромного рекламного щита пялилась на прохожих седовласая, но моложавая дама раннепенсионного возраста с суровой, немного желчной улыбкой. Мария Корышева, кандидат в губернаторы. «Бла-бла... Замужем, есть взрослый сын»...

– Как я поняла, она прикидывается, что у неё только один сын, – сказала я, возвращаясь в комнату к Максиму.

– Это неудивительно. Не всякое родство в её деле полезно, – задумчиво протянул Макс и развернул ко мне ноут. – Погляди-ка внимательно. Этот?

С экрана насторожённо смотрел молодой узколицый и остроносый парень. Невнятного цвета рыжевато-русые волосы, зачёсанные назад, одна бровь чуть выше другой, кожа и губы слишком бледные. В целом ничего особенного, кроме, разве того, что фотография была открыта на служебном поисковом сайте питерской дружины.

– Он что, из наших? – изумилась я.

– Ты сначала скажи, это он или нет? – уточнил Макс.

– А я не знаю.

– Как это? – Макс вытаращил глаза.

– Первый раз я видела его со спины. Второй – в тёмном дворе при свете фитюльки в телефоне, когда у него физиономия была вся в кровище. Я его просто не разглядела!

Макс вздохнул:

– Ну, не разглядела и ладно. Всё равно у будущей губернаторши Корышевой на самом деле два сына, а у скульптора Корышева, соответственно, один брат. Так что узнала ты его, не узнала, неважно. Других вариантов нет. Вот он, твой ворюга: Корышев Никита, поднадзорная кикимора, вторая группа.

– Знаешь, это даже как-то не смешно совсем, – вздохнула я, рассматривая ворюгу. – На весь Питер на свободе осталась пара тысяч кикимор, но такое ощущение, что они все встали в очередь со мной познакомиться.

– То есть, если бы тебя ограбил обыкновенный гопник, это тебе понравилось бы больше?

– Вполне возможно... А это не твой клиент случайно?

Макс пожал плечами:

– И да, и нет. Им Лабазников занимался. После его гибели его поднадзорных поделили на всех оставшихся. Корышев достался мне, но я его ещё в глаза не видел, не успел, – Макс встрепенулся и озорно подмигнул мне. – Вот какой отличный повод побыстрее познакомиться и побеседовать! Надо будет навестить его на днях.

– Я с тобой!

Макс покачал головой:

– Не надо. Нельзя рисковать из-за такой мелочи, как телефон, который тебе и не особо нужен. Я со всем разберусь сам.

– Да причём тут телефон?! Мне же интересно!

– Лада! – голос Макса окреп до металла.

– Карпенко боишься?!

Макс криво улыбнулся и покачал головой:

– Будто бы я без Карпенко не соображаю, куда можно тебя брать, а куда нельзя. Уж поверь мне, я никогда не пойду с тобой вместе навещать кикимору второй группы.

– А тебя, кстати, не смущает, что кикимора второй группы расхаживает по улицам, как ни в чём не бывало?

– Здесь... – Макс ткнул пальцем в ноут. – ... здесь написано, что он оставлен на свободе и под стандартным надзором по решению суда. Несмотря на вторую группу признан общественно неопасным. Хорошо, видимо, быть сыном больших людей, даже отвергнутым...

– Ма-а-акс, ну можно будет мне с тобой к нему?

– Нет.

Я повернулась, вышла на балкон и облокотилась на перила. Внизу под домом небольшой скверик с цветущей сиренью и парой скамеек, рядом перекрёсток с тем самым рекламным щитом, а чуть дальше впереди, через квартал, хорошо видно, как по Московскому проспекту туда-сюда мчатся машины. А здесь, на боковой улочке ещё относительно тихо. Именно в таком месте я и хотела жить. И чтобы вот так высоко: седьмой этаж сталинки. И чтобы обязательно был балкон на восток, и на ночь в тёплое время не закрывать дверь,

и чтобы ветер шевелил длинную лёгкую занавеску, парусом задувая её в комнату. И чтобы рано-рано утром, едва вскочив с постели, можно было выйти на балкон и смотреть, как солнце встаёт. Именно такую квартиру я себе и нашла, когда мы с Эриком договорились, что я от него съезжаю.

Правда, ещё я мечтала завести кота, а лучше двух, серого и рыжего, чтобы мурчали мне песенки. Но вместо котов у меня поселился Макс.

Если Макс сказал, что он никогда не сделает нечто этакое, упрашивать его бесполезно. Он правильный. Иногда вот просто убила бы его за эту правильность, до чего раздражает порой. А с другой стороны, должен же в этом безумном мире быть кто-то совсем правильный. Людей хороших много, но все они норовят как-нибудь да сглупить, надеясь, что если глупость делается из благих побуждений, то будет она свыше прощена, и нехороших последствий не наступит. Да, как бы не так... Вот и нужны такие правильные, как Макс, чтобы хороших людей направлять, куда следует. А уж плохие ребята Максимум пусть лучше совсем на дороге не попадаются. Но он всё-таки не прописной идеал, а обычный парень, не без пунктиков. И большое место у него одно: Макс терпеть не может кикимор. И при этом любит то, чем занимается, такая вот странность. Хотя, возможно, потому и любит свою работу в дружине, что это даёт ему возможность держать под контролем тех, кого он ненавидит.

– Обиделась? – Макс встал рядом у балконных перил.

– Неа, больно надо. Я на Карпенко не обиделась, так на тебя уж и подавно не буду.

Макс закинул руку мне на плечи, привлёк к себе, потёрся лбом о мой затылок.

Люблю, когда он так делает.

От Макса пахнет миндалём и сандалом. Когда-то в начале нашей дружбы... да, тогда всё это ещё было дружбой... я купила ему на день рождения мужскую туалетную воду с сандалом. А потом, когда флакон подходил к концу, покупала ещё и ещё... Теперь мне кажется, что это его собственный запах, так он с ним сроднился.

– Максюша...

– Да?

– А что будет, если я... если я заболею?

Его замешательство длилось пару секунд, не больше.

– Что за вздор?!

– Ну, пусть вздор. Но ты скажи, что ты тогда будешь делать?

– Бред какой... – проворчал Макс. – Я вообще об этом не думал.

– Это неправда, Макс. Ты должен был думать об этом. Ты мой надзиратель, тебе положено.

– Да кто тебе эти мысли в голову вбил?! – разозлился Макс, отстранил меня, развернул лицом к себе. – Ну-ка, посмотри мне в глаза!

Они у него красивые, глаза. Тёмно-синие, внимательные. А смотрит Макс на меня немного снизу вверх. Ну, вот так вышло: не все отличные парни могут богатырским ростом похвастаться. Макс невысокий, и при моих ста восьмидесяти сантиметрах он чуть ниже меня. Что мне нравится: никаких комплексов по этому поводу у него нет.

– Никто мне ничего не вбивал, – ответила я, глядя, как Макс и просил, ему в глаза. – Просто иногда что-то или кто-то опять напоминает мне, что я другая.

– Никакая ты не другая, – строго возразил Макс. – Я не верю в теорию о наследственном риске. Я, конечно, не научный гений, но мой личный опыт говорит, что эта теория полный бред. И с надзором для таких, как ты, это какой-то чудовищный законодательный перегиб. Заболеть может, кто угодно. И ты. И я тоже... – он вопросительно прищурился. – А если я заболею, что тогда будешь делать ты?

Я пожала плечами:

– Что и обычно. Я ведь умею помочь...

– А я разве не умею? – он печально улыбнулся.

– И ты будешь со мной возиться? Я же стану одной из них! Я же знаю, что это для тебя значит!

Макс закрыл мне рот ладонью и болезненно поморщился:

– Я не хочу этого слышать.

Я сдёрнула его руку:

– А если всё-таки...

– Ладушка! – раздражённо оборвал меня Макс. – Не надо никаких «если». Пожалуйста, не надо! Будем мы больны или здоровы, дело не в этом!

– А в чём?

– Будем ли мы верить друг другу так, как сейчас.

Я обняла его за шею, прижалась, вдыхая сандал.

– А что ты так рано вскочила? – строго спросил Макс. – Мы же слишком поздно легли вчера.

Я выпрямилась и улыбнулась ему:

– Просто хотела с тобой позавтракать, поговорить, проводить тебя...

– Спала бы и спала ещё, – с притворным недовольством проворчал Макс. – Ну, ладно, мне пора по делам, а ты ложись, досыпай.

– Не хочу, совершенно. Сегодня что-то совсем не спится.

Макс чуть заметно прищурился, и мне показалось, что в его взгляде промелькнула тревога.

– Ты что, Максюша? – удивилась я. – Не бойся за меня. Я в порядке!

– Я ничего не боюсь, – твёрдо сказал Макс и крепко-крепко обнял.

Я слышала его спокойное размеренное дыхание.

– Ничего не боюсь, – повторил он. – И ты не смей бояться.

Глава 6

Дежурство прошло без происшествий. Новичок, возможно, побегал бы в мыле и на нервах, но такой бывалой, как я, даже суетиться не пришлось. Да и пациенты Эрика – или, как он предпочитал, «подопечные» – действительно помогали. Впрочем, удивляться тут нечему. Кикиморы никогда не бросают себе подобных, потому что понимают: если не будут друг другу помогать – никто больше не поможет.

Ближе к утру у нас уже была тишь и благодать. Перед рассветом я ещё раз навестила лежащих в коконе, убедилась, что всё спокойно, и ушла туда, где местные жители развлекались ночью, чем могли: рассказывали байки.

Самое большое помещение в подвале было отведено под общую комнату. Тут бы надо было сказать «спальню», но хоть кровати здесь и стояли, спать в этой комнате практически не спали. Жили все вместе, несмотря на возраст и пол, будто в детском саду. И так же, как в детском саду, когда в тихий час не спится, травили бесконечные байки по кругу. А кикиморам никогда не спится, поэтому фольклор в подвале расцветал пышным цветом, только записывай.

Когда я с кружкой кофе присела на ничейную койку, Вероника как раз завела свою любимую историю. Все в детстве рассказывали друг другу про чёрную-чёрную комнату, в которой стоит чёрный-чёрный гроб... ну или ещё что-нибудь в этом же роде, тоже обязательно чёрное. У кикимор тоже есть своя культовая страшилка – про чёрный кокон. И Вероника очень любит рассказывать её, когда у Эрика в очередной раз полностью обновляется контингент.

Сама же Вероника уже полтора года живёт в подвале. Девать нам её некуда. Если следовать инструкциям, Веронику следует передать на судебное освидетельствование, которое обязательно придёт к выводу, что девушку надо поместить в заключение с самым суровым режимом. А там, вероятнее всего, Веронику просто под шумок умертвят тем или иным способом, потому что возиться с экземпляром, на счету которого смерти невинных, никто не будет. Только Эрик с ней и возится, считая небезнадёжной. Но он прекрасно понимает, что, кроме него, так считать никто не станет. Вот и живёт Вероника столько времени у Эрика под неусыпным присмотром.

Вероника на пару лет старше меня. Глядя на неё, ни за что не скажешь, что она опасна. Странная немного, рыжая, бойкая, неутомимая. В общем, забавная и прикольная. Только, когда думаю о ней, мне становится очень страшно за Эрика, который так часто остаётся с ней наедине и позволяет ей помогать ему. Сейчас она выглядит просто, как дамочка с небольшим приветом. В её голове однажды сработал барьер, сильнейшая психологическая защита, позволившая Веронике забыть, что она во время бурного срыва загрызла несколько человек, в том числе своего маленького сына. Вероника понимает, что она – кикимора, осознаёт, что она здесь в подвале неспроста, но ничего о себе не помнит и на свободу не рвётся. Вот только я постоянно думаю, а ну как она вспомнит...

Вероника только что, несколько часов назад вышла из кокона. В коконе она была спокойна и выглядела ангелом. Сейчас после душа это уже обычный вертлявый бесёнок с ещё мокрой кудрявой гривой. Рассказывает свою байку, как всегда, вдохновенно, прямо артистка. Кто первый раз её слушает, то вообще сидит, открыв рот.

На этот раз слушателей у Вероники целая дюжина. Есть ещё совсем дети, трое мальчишек и девчонка, все не старше пятнадцати. Когда их отловили оперативные группы, была опасность, что родители, не желающие признавать очевидного, снова сдадут подростков на так называемое «лечение», от которого бедняги чуть раньше или чуть позже непременно

отдадут концы. Поэтому, как и в недавнем случае с руфером Романом, Эрик просто никуда не отдал беглецов. Подростки до сих пор числятся в розыске.

А кое-кто из нынешних обитателей подвала совсем взрослые. Некоторые новички, впервые попавшие в сложную и опасную ситуацию, но есть и прожжённые, умудрённые уже кикиморы, для которых подвал Эрика – нечто вроде выигрыша в лотерею, возможность провести несколько недель в месте, где правильно понимают их потребности и никогда не причинят боли.

За годы, которые Эрик работал в питерской дружине, а я путалась у всех под ногами, видела я всё это не раз.

Хотя началось это для меня намного раньше. Тогда, когда мой отец вдруг перестал спать.

ККМР. Клиническое криптогенное ментальное расстройство, так это называется. Заумная формулировка несёт, конечно, кое-какой смысл, но ничегошеньки не объясняет. В переводе на русский устный означает полный пшик.

«Ментальное расстройство» – это и ежу понятно, это значит, что у кого-то не всё в порядке с головой. Или, если угодно, прохудилась и съехала крыша. Или не все оказались дома.

Почему это расстройство случается с одним и не случается с другим, что тут становится причиной, органические поражения или наоборот, совсем нематериальное нарушение гармонии со Вселенной, так до сих пор никто и не знает. Неизвестно, откуда это заболевание берётся, поэтому оно обозначается умным словом «криптогенное».

Ну а раз никто ничего не знает, то надо как-то за ум браться и выяснить всё как можно быстрее. Болезнь требует серьёзных исследований и обоснованных подходов к лечению, поэтому расстройство ещё и «клиническое».

Так что, если подытожить, то витиеватое название означает некую болезнь, которая чёрт знает откуда и почему взялась, и леший знает, что со всем этим делать. И видимо, пока чёрт да леший между собой не договорятся, это безумие будет продолжаться.

ККМР. КиКиМоРа. Так в народе стали называть заболевших почти сразу после того, как было официально объявлено о неконтролируемой вспышке нового заболевания.

Начинается всё с бессонницы. И бессонница эта не обычная, не та мучительная гадость, которая вытягивает из своей жертвы все силы. Нет. Просто человек вдруг перестаёт спать, совершенно не чувствуя при этом никакой усталости.

Когда такое случается с ребёнком, его жизнь превращается в кошмар. Вот представьте: от тебя требуют, чтобы ты спал тогда, когда этого хотят от тебя взрослые, то есть каждую ночь. А тебе не хочется спать, и никак не получается быть хорошим и послушным. Но взрослые не понимают, они хотят, чтобы ты вёл себя, как все, а раз ты не можешь, как все, значит, надо заставить тебя силой.

Со взрослыми поначалу бывает чуть легче. Ну, не спится и не спится. Даже ещё и лучше. Особенно, если работы много, или если дома младенец, с которым всё равно не поспишь по-человечески. Вот и мой отец сначала радовался, что спать расхотелось. Неделями круглосуточно сидел за своими чертежами и расчётами, стал успевать к сроку со всеми проектами и набрал ещё кучу дополнительных заказов.

Но если ты живой человек, будь ты хоть и кикиморой, а спать время от времени всё равно приходится. Сон на кикимору наваливается неожиданно, и противостоять ему почти невозможно. Некоторые, очень немногие кикиморы умеют чувствовать приближение этого крепкого неумолимого сна – кокона. Они забираются на это время в такое место, где никто не потревожит. А новички, те просто валяются с ног там, где кокон настиг их.

Силой вывести кикимору из кокона невероятно трудно – только медикаментами. И это очень опасно: чем чаще и грубее выводить рвать кокон, тем ужаснее могут быть последствия. Кикимора становится всё агрессивнее, и срыв обязательно когда-нибудь случится.

Ни одну кикимору пока ещё не вылечили, хотя всё время пытаются. Переломить болезнь силой медикаментов невозможно, но многие продолжают надеяться. А всякие шарлатаны, отзываясь на спрос, лечат, пытаюсь колоть несчастным препараты по сложным схемам. Кикиморы, которых близкие сдали на такое лечение, бегут при малейшей возможности. А дружинники потом ловят беглецов, которые уже в безнадёжном состоянии. Обычно несчастных возвращали тем, от кого они сбежали. Но иногда – чаще всего, когда я вмешивалась – такой беглец попадал к Эрику в подвал на передержку.

Иногда кикиморы, что долго бомжевали, приходят на передержку сами, рассудив, что жизнь в отдалённом интернате куда лучше жизни в подвале, на чердаке или в расселённых трущобах. Кого-то дружинники забирают к нам по заявлению родственников, коллег или соседей, не желающих больше жить рядом с опасным и непредсказуемым человеком. Иногда близкие сдаются после долгой отчаянной борьбы и мучений, не выдержав постоянного напряжения.

Кого-то стараниями Эрика удаётся вытащить. За время, проведённое в подвале, измученная кикимора входит в свой естественный ритм. Недели бодрствования сменяются несколькими днями сна, никто не пытается разбудить кикимору силой, и выход из кокона получается спокойный и безболезненный. Общение с опытными товарищами по несчастью обычно приводит к мысли, что приспособиться к себе и жить дальше возможно.

Как только Эрик видит, что подопечный осознал себя, своё положение, знает, какой у него есть выбор, и готов его сделать, дружина официально от своего имени передаёт кикимору дальше по инстанции: судебное решение назначает группу, и дальше всё крутится по инструкциям, которых за последнее время принимали столько, что только успевай исполнять.

Когда болезнь начала проявляться буквально везде, вокруг царил страх, и ничего, кроме страха. Это было даже покруче мусульманского терроризма. Против тех хоть рамки металлоискателей поставили, сумки перетряхивали, фейс-контроль, пограничные формальности, международные базы данных, то-сё... Но, когда мальчик-божий одуванчик или добрый, мягкий отец семейства вдруг становился в две секунды монстром, с которым не сладить, и, прежде чем его ликвидируют или обезвредят, успевал порвать или покалечить всех, до кого мог дотянуться, и случиться такое могло абсолютно везде и в любое время, потому что это невозможно предсказать заранее, то уровень психоза, особенно в мегаполисах, зашкаливал. Люди шарахались друг от друга при малейшем подозрении, и достаточно было ничтожной искры, одного не вовремя брошенного слова или порывистого жеста, и можно было нарваться на жестокий самосуд.

Потом только поняли, что минимальный урон окружающим наносится в том случае, если кикиморе позволяют придерживаться её естественного режима: ложиться в кокон, когда это нужно, и спокойно без принуждения из него выходить. И тогда принимали законов о том, что и как можно делать с кикиморами, в каких случаях и куда необходимо их выселять, при каких условиях их можно оставить на свободе и как за ними надзирать. Создали дружины, которые всем этим занимались.

Но люди есть люди. Некоторым законы не писаны, а если писаны, то не читаны... Ну, и дальше по тексту. Поэтому дружинникам приходится до сих пор выявлять незарегистрированных кикимор, следить за теми, кто находится под надзором, пресекать опасные инциденты, предотвращать самосуд, подставляться под ногти, зубы, кулаки и ножи тех, кто не смог с собой совладать, и заниматься ещё многими героическими, но неблагодарными вещами.

Все кикиморы проходят на передержке обследование, чтобы определить группу риска или подтвердить её.

Третья группа – это те, у кого лёгкие коконы. Если нет никого, кто готов взять такую кикимору под опеку и помочь ей наладить жизнь, её отправят в загородный интернат. Там есть работа, жильё, круг общения – в основном с себе подобными, постоянный надзор местной дружины и некоторые ограничения. Туда к кикиморе могут приезжать родственники и друзья, хотя они практически никогда не приезжают. Там не очень-то весело, но зато есть гарантия, что не прибегут соседи с кольями наперевес.

Вторая группа – это те, чей сон в коконе слишком глубокий, а пробуждение слишком тяжёлое. Эти кикиморы прекрасно себя осознают в обычной жизни, но есть большая вероятность, что после очередного пробуждения наступит опасный для окружающих срыв. Таких отправляют в места, больше напоминающие места отбывания наказания: никакой свободы передвижения, ещё не тюрьма, но уже совсем всё безрадостно и безнадежно.

Первая группа – те, кто уже сорвался. Те, с кем это произошло хотя бы однажды, оказываются в пожизненной одиночке. Даже если кикимора вполне оправились и больше не выходит из режима, никто больше не хочет рисковать.

Впрочем, есть один человек, который всегда не прочь рискнуть – Эрик.

Он всегда тянет до последнего, пытаюсь разобраться, как именно развивается болезнь. Он считает, если налицо ремиссия, то человека надо тянуть.

Вот и тянет он уже столько времени несчастную Веронику, которую у нас все, кроме Эрика, откровенно побаиваются. За последнее время она одна у нас тут такая, из первой группы. Пока она живёт в подвале, её коконы обычно глубокие, но спокойные. И выходит она из них бодрячком, даже что-то напевает в душевой. А потом с удовольствием суетится, наводя порядок и командуя остальными подопечными, и с готовностью помогает Эрику, делая иногда самую грязную работу.

Вот и сегодня, едва закончив прибираться в своей камере и приняв душ, она уже пристала ко мне с вопросами, чем она может мне помочь. А помогать мне не требовалось. Те, кто оставались в коконе, просыпаться пока не собирались, остальные были в полном порядке, и я попросила её развлечь общество, рассказать что-нибудь интересное.

И вот, Вероника мастерски исполняла свою страшилку о чёрном коконе: историю о том, как кикимора, впав в глубокий кокон, умирает, а, пролежав мёртвой несколько часов, а то и дней, вдруг оживает, неся в себе чужую чёрную душу, и, наделённая невиданной доселе силой, пускается во все тяжкие.

И хоть слышала я это сто раз, и не только в исполнении Вероники, а всё равно интересно слушать, как старую страшную сказку. Поэтому я, как и все остальные, заслушалась рассказчицу.

Кто-то коснулся моего плеча. Я повернула голову – Эрик. Он всегда приходит на работу ни свет, ни заря. Даже завтракает всегда в подвале, из общего котла.

– Закончишь тут, зайди, доложи обстановку, – прошептал он едва слышно и вышел.

Вероника, завидев Эрика, поспешно скомкала концовку, оборвала рассказ на полуслове, тряхнула ещё влажной гривой и, вспорхнув, выскочила из комнаты.

Слушатели зашевелились.

– Ерунда всё это, – проговорил один из подростков. – Сказки от скуки.

Девочка рядом с ним невесело хихикнула.

– Всё сказки, пока сам не столкнёшься, – хриловатым баском отозвался худой бородатый мужичок с койки у окна.

– Вот из первых рук инфу я бы послушал, – кивнул мальчишка. – А это всё так, художественный трёп. Небывальщина. Кто-нибудь хоть раз видел этот самый чёрный кокон?

– Видел, – степенно кивнул бородач. – Я.

– Да ну? – недоверчиво, но всё же с любопытством усмехнулся подросток. – И как оно было?

– А так было, – спокойно отозвался мужичок. – Года три тому назад... или пять... а то и семь уже, не помню точно...

– Три или семь, вообще-то, разница есть, – сказал кто-то. – Совсем ты, Вася, мозги пропил.

– Ну, после того, как организм начинает время отсчитывать коконами, ошибиться с годами очень даже просто, – ничуть не обидевшись, сказал мужичок и продолжил. – Так вот, попал я тогда в загородный интернат...

– В лагерь, то есть?

– Ну, лагерь – не лагерь, но место не худшее, хотя и не очень приятное. Далеко-далеко от цивилизации. Жило нас там человек сорок, то меньше, то больше. Работали, кто хотел, развлекались, чем могли. Можно было в городок соседний съездить, ну, не всем, конечно, а у кого стабильная третья группа... Был у нас один парень, ничем вроде не выделялся. Вежливый, тихий, только всё время один да один. Заговоришь с ним, а он кривится, будто брезгует всем, на что ни посмотрит. И как-то лёг он в кокон. Обычно дня два-три, больше у нас никто не валялся. А тут смотрим, время идёт, парень этот всё не просыпается, а потом и персонал забегал кругами. Сказали сначала, что умер тот парень. Слишком глубокий кокон, а вместо того, чтобы выплывать потихоньку, он за неделю так заглобился, что склеил ласты... Труповозку вызвали, те сказали, на завтра приедут, а то далеко им. А мертвецкой у нас не было. Так что перекрыли в комнатке для коконов вентили на батареях и окно открыли, чтобы покойник не слишком портился. Как раз зима была, мороз, пусть, мол, лежит... Ночью сидели все, как обычно, тихонько, чтобы персонал не раздражать. Кто у себя в комнате, один или с зазубой. Кто в общей, картишки там, винишко, беседы задушевные... А покойник-то наш ожил вдруг, да в такой силе, что порвал почти всех наших, и из персонала кое-кого, да и сбежал...

– И с чего это должен быть прямо чёрный кокон? Просто кто-то ошибся, когда смерть констатировали, – сказал неугомонный недоверчивый мальчишка.

– Да там специалисты были постарше тебя-умника, – отозвался мужичок. – И поопытнее. Мёртв он был, точно. Пульс-давление на нуле. И вдруг снова... самозапустился, почти через сутки.

– А тебя он тогда почему не порвал?

– А я в ту ночь в котельной дежурил, заперся и тяжёлый рок под водочку слушал... – вздохнул рассказчик. – Если б не это, или порвал бы он меня, или крыша бы у меня съехала, как у тех наших, что выжили тогда.

– Ну и как, стал он чёрным властелином? – не отставал мальчишка.

– Не знаю, я его больше не встречал, – буркнул бородач. – Но судя по тому, в какую жопу катится этот мир, без чёрных властелинов тут не обошлось.

Я поднялась и пошла к Эрику. Тот сидел в крошечном закутке без окон и дверей перед квадратным металлическим столиком и что-то просматривал в своём компе. Такой у Эрика был незамысловатый рабочий кабинет в подвале. Работать наверху в нормальных условиях ему было просто некогда.

– Что там у вас за дискуссия? – поинтересовался Эрик, не поднимая головы.

– Спорят о чёрном коконе, возможно или нет. Ты как думаешь?

– Возможно что? – удивился Эрик. – Чтобы мертвец ожил? Лада, я тебя умоляю. Кикиморы, без сомнения, нам ещё преподнесут кучу сюрпризов. Но даже они, если умирают, то окончательно и бесповоротно.

– Но легенды обычно на чём-то основаны. Вот Вася с бородой сейчас рассказывал...

– Да, слышал я эту его историю. Действительно, было такое. Парень с трудом вышел из глубокого кокона и оставил за собой гору трупов. Никакой мистики, Лада. Ничего, кроме очередной трагедии из разряда тех, которые пока мы не способны предугадать и предотвратить... О, завтрак!

В закуток вошла Вероника с подносом. Рисовая каша-размазня с мелко настрганной курагой, большая чашка кофе и два круассана.

– Спасибо, – кивнул Эрик, отодвигая ноут и освобождая место для подноса. – А булок почему две?

– Одна моя, – ответила Вероника.

– С чего вдруг? – нахмурился Эрик. – А сама что?

– А я на диете.

Эрик задумчиво скользнул взглядом по Веронике и пожал плечами:

– Зачем? По-моему, и так в самый раз.

Вероника полыхнула ярким благостным румянцем и выскочила из закутка.

Эрик придвинул поближе тарелку с кашей и стал торопливо есть.

– Ты бы ей поменьше комплиментов делал.

– Кому?

– Да Веронике же.

– Каких?

– Да вот таких, про «самый раз». Она и так изо всех сил стремится понять тебя неправильно.

– То есть?

– Эрик, ну что ты опять, как ребёнок?! Влюблена она в тебя по уши!

– Кто?

– Да никто! – я тяжело вздохнула и только махнула рукой. – В общем, всё в порядке у нас. Мальчика последнего посмотри повнимательнее, мне он показался почти спокойным, только пульс и давление сильно скакали. Мало ли я не заметила чего-то.

– Я посмотрю, – кивнул Эрик и взялся за кофе с круассаном. – А вообще мальчишка сильный, выберется, теперь я уверен. А ты зайди к Карпенко, он что-то хочет у тебя спросить.

– Что именно?

Эрик пожал плечами и вздохнул:

– Если надеешься, что он даст задний ход после давешнего демарша, то не обольщайся.

Видимо, жмут на него там, наверху.

– Да ни на что я не надеюсь, – буркнула я. – Всё, пока! Зайду к Карпенко и домой.

– На вот, булочку возьми! – крикнул Эрик мне в спину, но я только отмахнулась.

Наверху в штабном коридоре царил обычная утренняя суета.

В дверях в кабинет Карпенко я столкнулась нос к носу с Лёхой Марецким. Он улыбнулся как-то странно и галантно посторонился, пропуская меня в кабинет.

Я вошла и поздоровалась.

Карпенко кивнул на стул:

– Присядь, есть разговор.

Я села, уставилась на разбросанные перед Виталиком бумаги.

– Как ночь прошла? – осведомился начальник.

– Нормально. Спокойно, – ответила я. – К утру одна из кокона вышла... Вероника.

Карпенко понимающе взмахнул бровями. Вероника – это такой наш общий крест, от которого не отделаться.

– ... ещё трое остались. В том числе этот последний новенький парнишка. Тяжёлый, но Эрик сейчас сказал, что он выкарабкается наверняка.

– Хорошо, – немного равнодушно отозвался Карпенко. – Хорошо, что всё хорошо...

Тут Виталик, видимо, принял решение больше кота за хвост не тянуть и, энергично подавшись вперёд, взглянул мне в лицо:

– А ну-ка, скажи мне, Лада, как тебе твой надзиратель, Серов?

– Нормально, – буркнула я.

– Это не ответ, – строго сказал Карпенко.

– А какой тебе... вам... ответ нужен?

– Соблюдает ли он график? Бывают ли положенные внезапные визиты? Достаточно ли Серов вежлив и не докучает ли чрезмерным контролем?

– Да всё он делает, как полагается.

– Понятно, – вздохнул Карпенко. – Так вот, Лада...

Он оперся локтями на стол, сплёл пальцы и задумчиво посмотрел на меня:

– Чтобы ты знала... Полдружины в курсе ваших отношений. И половина этой половины в последнее время так или иначе, кто намёком, а кто открытым текстом, сообщили мне об этом.

– Вот же сволочи! – вырвалось у меня. Я отвела взгляд от Карпенко, стала смотреть в окно.

– Ты не маленькая девочка. Ты взрослая и очень неглупая женщина. Ты должна понимать, чем всё это грозит Максиму Серову.

– Он не делает ничего дурного.

– Формально ты находишься в зависимом от него положении. В подобной ситуации лицо контролирующее не имеет право принуждать лицо зависимое к интимным отношениям. Это недопустимо. Это едва ли не самое серьёзное должностное преступление на подобной работе...

– Виталий Сергеевич! Вы о чём? Какое ещё принуждение?!

– Так это выглядит при любом формальном разборе обстоятельств.

Спокойно терпеть это дальше было уже невозможно.

– Виталик, есть на свете такая штука... «любовь» называется! Не слышал?!

– Слышал. Краем уха, – угрюмо вздохнул Карпенко.

– Тогда что ты от нас хочешь?!

– Я хочу, чтобы один из моих лучших дружинников, который очень некстати очумел от любви, не поплатился бы за это серьёзным дисциплинарным взысканием! – повысил голос начальник. – Но вы же выбора мне не оставляете!

– Не надо наказывать Макса, пожалуйста!

– Вот ты мне скажи, – с досадой продолжил Карпенко. – Я что, такой деспот? Со мной так страшно поговорить начистоту? Почему я обо всём этом узнаю не от тебя, не от Серова, а от сплетников, у которых язык без костей?! В конце-то концов, есть простое решение, которое снимет главную проблему: вывести тебя из-под его формальной ответственности и передать другому надзирателю. И любитесь себе, как угодно!

– Макс не хочет так. Он считает, что должен сам за мной присматривать от начала и до конца. И формально, и неформально...

– Да что ж Серов такой идиот?! – Карпенко в сердцах звонко шлёпнул ладонями о столешницу, я аж подпрыгнула.

С полминуты мы оба молчали.

– Даже не знаю, что с вами делать, – устало проворчал начальник. – Серьёзно, не знаю. Детский сад, штаны на лямках... И не реагировать не имею права, потому что о ваших шашнях не знает только ленивый или слепой вроде твоего дядьки.

– Не надо, Виталик... Сергеевич!.. Пожалуйста!

– Что не надо?!

– Реагировать!

– Я не враг ни тебе, ни тем более Серову. Но я не могу оставить всё так, как оно есть сейчас! – твёрдо отчеканил Карпенко. – Поэтому хочет Серов, не хочет, меня уже не волнует. Я сегодня распорядился передать тебя под надзор Марецкому.

– Ма... Марецкому?! Ну, знаешь!.. – я вскочила в ярости.

– А в чём дело? Вы с Алексеем давно друг друга знаете, специалист он хороший, исполнительный, иногда даже слишком. Инструкций не нарушит. Что ты взлетела? Сядь.

Я молча опустила на стул. Строго говоря, никто не обязан кикимору – или потенциальную кикимору – спрашивать, кого ей назначить надзирателем. Это потом, если что не так, то по обоснованной жалобе надзирателя могут заменить. Я хоть и не кикимора, но моей особой надзорной группе никаких поблажек не делают.

– Когда вы скажете Максусу? – буркнула я.

– Да я уже бы сказал, но мне ему не дозвониться, – недовольно вздохнул Карпенко. – Ты знаешь, где он сейчас?

– Дома. У меня... У нас, то есть.

– Уверена?

– Позавчера у него были оперативные выезды по списку Эрика. Вчера – плановые надзорные визиты. Сегодня он выходной, так что дома должен быть.

– Ну-ка, набери его, – приказал Виталий. – А то он, может быть, нарочно на мои звонки не отвечает.

Я долго слушала гудки, но на мой вызов Макс тоже не ответил.

– Странно, – удивилась я. – Может быть, случайно звонок отключил?

Карпенко потёр лоб в угрюмой задумчивости и махнул рукой:

– Всё пока, иди.

Я встала, дошла до двери и взялась за ручку.

– Лада! – голос Виталия неуволимо изменился. – Вернись-ка.

Я оглянулась.

Виталий наклонился куда-то под стол и вынул оттуда компактный чёрный парусиновый рюкзачок с мелкими красно-белыми шашечками на внешнем кармане. Рюкзак Макса, с которым он обычно ходил на службу. В последний раз я видела его на плече Макса вчера утром, когда провожала его и закрывала дверь.

– Откуда он здесь?!

– Сначала думал, что не стоит тебе говорить, пока ни в чём толком не разобрались, – сурово сказал Карпенко. – Но чёрт с ними, с формальностями, сейчас уж точно не до них. Ты должна знать, и я от тебя скрывать не буду...

– Что с Максом?!

– Ты сядь, сядь-ка обратно.

Я доползла до стула.

– Когда вы созванивались в последний раз?

– Вчера около шести вечера. Я пришла сюда на дежурство и позвонила Максусу, что у меня всё в порядке. Мы друг другу часто не звоним, чтобы не отвлекать от дел попусту.

– Хорошее правило, – хмурясь сказал Карпенко.

– Виталик, что с ним?!

– Вчера в восьмом часу вечера Серов подал по рации сигнал тревоги. Несколько групп сразу готовы были прийти на помощь, но на уточняющие вопросы, что случилось и по какому адресу, Серов не ответил. Он просто больше не отвечал ни по общему каналу, ни по выделенному. Не ответил и на вызов по мобильному.

– Но мобильный работает!

Карпенко опять сделал раздражённое движение бровями:

– То-то и оно, что работает. Но система пеленга его не находит.

– Такое может быть?!

– Может, как видишь. Хотя технические специалисты лишь пожимают плечами и не готовы объяснить причину, – удрученно сказал Виталий.

– Да, но рюкзак?!

– Рация Серова, хоть он и не отвечал, тоже продолжала работать. Её удалось засечь, и через некоторое время рацию и рюкзак нашли в мусорном баке во дворе на шестнадцатой линии. По графику на вчера у Серова не было ни одного адреса на Васильевском... Лада?!

Я подняла голову:

– Где же он, Виталик?

– Хотел бы я знать не меньше тебя, уж поверь, – сурово ответил Карпенко. – Ищем. Все наши, кто свободен от дежурства, и у кого нет срочной работы с поднадзорными, все брошены на поиски Серова. Если к истечению суток результата не будет, буду просить помощи у полиции, а если понадобится, то и у других силовиков.

– Я могу посмотреть рюкзак?

Виталий молча протянул мне его через стол.

Я порылась внутри:

– Где его планшет? Он ушёл с планшетом.

– Возможно, планшет там же, где и мобильник.

– Адреса, по которым он должен был ходить вчера?..

Карпенко развёл руками:

– Конечно же проверены, кикиморы опрошены. Все утверждают, что Серов ушёл от них живым и здоровым, и никаких странностей в поведении они не заметили. Разумеется, будем перепроверять... Может быть, ты знаешь, куда он мог зайти, кроме адресов по графику?

– Нет, – отрезала я. – Не знаю.

– Ты успокойся, подумай хорошенько, может быть, говорил он что-то о своих планах на вечер, ты просто значения не придавала, – спокойно сказал Виталий. – Если что-то вспомнишь, сразу же мне звони. Немедленно! И я тоже, если какие новости, сразу с тобой свяжусь. Я же понимаю, Лада, не деревянный небось.

– Спасибо, Виталик.

– Ну, иди, иди. Тебе надо успокоиться.

Я вышла в коридор и бегом бросилась в подвал.

– Эрик, я пошарю в твоём компе? – я заглянула в одну из каморок, где Эрик занимался своим подопечным. – Мне очень срочно.

– Пошарь, только мои окна не закрывай, – ответил Эрик, не поднимая головы.

Я прошла в его закуток, присела на табурет и сразу же полезла в поисковую базу дружины.

Никита Корышев, кикимора второй группы... Улица Мира, дом тридцать один, квартира двадцать четыре. Да... Где шестнадцатая линия и где улица Мира. Неблизко. Вряд ли эти два адреса могут быть связаны между собой. Но проверить нужно обязательно.

– Что случилось? – спросил Эрик встревоженно, заглядывая в закуток. – На тебе лица нет.

– Макс Серов пропал.

– Я слышал, – кивнул Эрик. – Да найдут твоего надзирателя, не переживай.

Эрик у нас к сплетням не прислушивается и, что под носом у него происходит, в упор не видит.

– Да, Эрик, конечно, найдут.

– Жаль, если с парнем что-то серьёзное.

– Да, жаль. Очень жаль. Ты извини, Эрик, мне бежать надо.

Я рванула мимо дяди, задев его плечом, и помчалась на выход.

Глава 7

Сколько я ни работала над собой, сколько ни училась держать себя в руках, а всё равно без толку. Обида, ярость и тревога бушевали в моей душе примерно в равных пропорциях.

Тревога, конечно же, за Макса. Уж мне ли не знать весь набор опасностей, среди которых дружинник находится даже не на службе, а круглосуточно. Я чуть ли не наизусть помнила печальную статистику питерской дружины за последние годы и представляла себе, сколькими разнообразными способами можно отдать концы на этой работе. Иногда эти способы напрямую никакого отношения не имеют к кикиморам, но тогда косвенное отношение – непременно. На прошлой неделе дружина похоронила Сашу Лабазникова, хорошего, незлого, весёлого паренька, у которого в дружине не то что врагов, даже тихих недоброжелателей не было. Пошёл вот так с плановым надзорным визитом к одной мадам кикиморе, и выяснилось, что всё у мадам замечательно, и жизнью она своей совершенно довольна. А вот муж её, алкаш недобитый, очень был недоволен, что кто-то припёрся и помешал его застолью. Настолько недоволен, что взял, да и зарезал по пьяной лавочке нашего Сашку прямо на своей кухне.

Да то ли ещё бывали случаи. Всякое, разное. Кое о чём и вспоминать не то чтобы не хочется, а память очень активно сопротивляется, желая похоронить эти воспоминания навсегда.

Уговаривать себя, что всё ещё может быть не так страшно, было бесполезно. Я отлично понимала, с чем придётся иметь дело. Когда личные вещи и рация дружинника обнаруживаются в мусорном баке в районе, в котором у него в тот день не было никаких планов, это может означать только плохое. Плохое, конечно, тоже имеет много разнообразных вариантов, но то, что оно не хорошее и белое, а плохое и чёрное, уже и так ясно.

И всё-таки я не представляла себе, чтобы это произошло с Максом. Не потому, что он такой уж неуязвимый супермен, а просто потому что он мой Макс. Мой самый близкий человек, без которого я больше не представляла себе свою жизнь.

А от того, как со мной поступил Карпенко, мне хотелось выть и орать во весь голос.

Он всё знал ещё вчера вечером. Я же помню, что он уехал из штаба незадолго до полуночи – как и всегда, впрочем. Значит, когда ему доложили про Макса, он был на своём рабочем месте, а я в это время была в этом же здании в подвале, и Виталий об этом знал. Спуститься ко мне или вызвать меня к себе было делом одной минуты. Он знал о беде с Максом ещё вчера и, как оказалось, давным-давно знал, что мы с Максом вместе, и ничегошеньки мне вчера не сказал. Даже не попытался. А сегодня тоже сначала не собирался, но зато устроил мне лекцию о морали и формальностях. И надзирателя мне сменил сразу, как только появились сомнения в том, что Макс найдётся живым. А значит, Карпенко всё равно, что будет со мной, и ещё вздумал притворяться этаким понимающим. И похоже, ему по большому счёту всё равно, что будет и с Максом, ему главное, чтобы подчинённые не выбились из правового поля, чтобы не в чем было упрекнуть начальника дружины.

Если бы от одобрения и покровительства Карпенко не зависела работа Эрика, я бы не посмотрела, что Виталий чуть не вдвое старше меня, я бы!..

На этом месте моя ярость спотыкалась и пускалась по кругу. Я не представляла себе, что бы я сделала, будь у меня развязаны руки. Ну, сказала бы ему в лицо всё, что думаю. Впрочем, сказать и сейчас могу, Карпенко только ругнётся да плечами пожмёт. А больше... А больше ничего.

Всю дорогу от штаба дружины на Черняховского до улицы Мира я старалась остудить голову. Тревога – плохой помощник, страх – и вовсе помеха, почти непреодолимая. Обиду тоже следовало куда-нибудь подальше запихнуть. Но весь мой аутотренинг по тибетским

методикам работал со скрипом. Никакие эти методики, видимо, не тибетские, а меня просто надули в тренинговом центре, как это часто бывает.

Просто ждать было невозможно, надо было что-то делать и самой.

Конечно, ребята будут искать Макса, и весьма добросовестно, особенно те, кто много лет в дружине. Не то, чтобы все наши друг друга считали своими в доску и закадычными приятелями, нет. Даже наоборот: свары, склоки, обиды и подставы не редкость. Но мушкетёрский дух всё-таки ещё не выветрился: там, где опасность рядом, надо быть всем за одного, потому что на месте этого одного может оказаться каждый, причём так быстро, что и «мяу» сказать не успеешь.

Выбравшись из метро на Петроградской, я сразу же позвонила Баринову. Он сказал, что ребята действительно бегают все в мыле, прорабатывают все версии и варианты, но никаких новостей пока нет. Это было наверняка правдой: Димка Баринов не стал бы мне лгать.

Сначала я подумала, что надо бы рассказать Баринову про кикимору Никиту Корышева, которого Макс собирался навестить. Карпенко я точно не стала бы ничего об этом говорить, бесполезно же, наверняка. А вот Баринов мог бы помочь. Но я попыталась точно припомнить наш с Максом разговор, и из него не следовало, что Макс прямо вчера собирался вызволять мой чёртов телефон. У него и так обычно график плановых визитов плотный. Макс скорее сегодня бы к нему пошёл: выходной – такая удобная возможность совместить знакомство с новым поднадзорным, внезапную проверку и личный шкурный интерес.

Поэтому я решила, что сбивать ребят и подбрасывать им свои домыслы рановато. Лучше бы сначала самой приехать на адрес, хотя бы со стороны оценить.

Дом тридцать один по улице Мира находился в том месте Петроградской стороны, куда уже дотянулись кривенькие ручки новомодных девелоперов. Особенно не повезло чётной стороне улицы Мира. Там было уже много совсем новых или ещё строящихся зданий, и на прежнюю застройку девятнадцатого века они совсем никак не походили, даже фасады стилизовать никто не пытался. А вот дом тридцать один выглядел так, как и должен выглядеть нормальный ещё живой дом, построенный лет этак сто двадцать – сто пятьдесят лет назад: цоколь, слегка вросший в бессчётные слои асфальта, наглухо закрытый металлической дверью парадный подъезд, которым не пользовались уже много лет, мощные в меру обшарпанные стены и изрядно поржавевшая крыша. О том, что на дворе двадцать первый век, напоминали окна, почти везде заменённые на стеклопакеты, и два небольших продуктовых магазинчика с красочной рекламой на первом этаже.

Остановившись напротив, на чётной стороне, я поглазела на дом, на автостоянку рядом, на крышу с двумя мансардными надстройками по краям. Обыкновенный старый жилой дом. Или коммуналки, или огромные и недешёвые элитные квартиры. А возможно, и то, и другое, вперемежку.

Было ещё сравнительно рано, народу на улице немного. За пятнадцать минут, пока я стояла и наблюдала, мимо меня проехала в сторону Каменноостровского женщина с коляской, да старичок с авоськой вышел из-за угла тридцать первого дома и скрылся в продуктовом магазине. А задрав голову, я увидела на крыше мужчину. Он стоял, опираясь на перила, огораживающие крышу, и смотрел куда-то вперёд и вдаль. Сначала я не поняла, чем же он показался мне странным, а потом сообразила: он был не в рабочей одежде и не в какой-то другой, подходящей к месту, а в плотном – скорее всего, махровом – голубом халате до колен. Не успела я удивиться, как сообразила: мансарды на крыше тоже были жилыми, и мужчина, вероятно, просто вышел на свою террасу полюбоваться на утренние питерские крыши. Внизу-то здесь точно не Париж, а вид сверху, возможно, весьма недурён, это верно.

Я постояла ещё немного и пошла через улицу, обходя тридцать первый дом с той стороны, откуда вышел старичок с авоськой. В боковой стене оказалась кривоватая приземистая арка, ведущая во внутренний двор. Во дворе обнаружились два подъезда, один с домофоном,

а второй – тот самый, где значилась на табличке двадцать четвёртая квартира – с кодовым замком. Замок тот был не то от дурака, не то от честных людей: там нужно было одновременно нажимать три штырька. И эти три штырька были затёрты так, что никаких сомнений, что нажимать, не оставалось.

Внутри подъезд был не то, чтобы совсем ужасный, нет. Там не валялся мусор, не пахло всякой дрянью, было прохладно и темновато. Но стены и ступени лет пятьдесят никто толком не ремонтировал, только замазывали подростковые художества на стенах.

Внешний лифт начинался от второго этажа. Я такими никогда не пользуюсь. Честно говоря, я и никакими не пользуюсь, особенно в одиночестве. Неуютно мне в тесном замкнутом пространстве. До панических атак не доходит, но неуютно. Поэтому, хоть двадцать четвёртая квартира и находилась на шестом этаже, я потащилась вверх пешком.

Оказалось, что лифт доходит только до пятого этажа, а на шестой ведут ещё два лестничных марша. И квартира – двадцать четвёртая – на шестом этаже одна-единственная, а сам шестой этаж – не что иное, как мансарда на крыше, причём, судя по расположению подъезда, та самая, около которой глазел на город мужчина в голубом халате.

Я поднялась к двери квартиры. Она снаружи казалась самой обыкновенной, деревянной, правда новой, ровной и безупречно подогнанной к дверной коробке. Что любопытно, глазка в двери не было.

Я нажала на звонок, и когда за дверью послышались шаги, была готова увидеть голубой махровый халат.

Отворивший мне дверь мужчина был в широких мягких брюках и мятой льняной рубашке навывпуск. И он широко улыбался. Правда, едва он меня увидел, улыбка его слетела мгновенно, а узкое бледное лицо с запёкшимися кровавыми корочками над правой бровью стало суровым. Выглядел Никита Корышев значительно старше, чем на фотографии из базы данных.

– Послушайте, – сказал Корышев своим замечательным голосом, который ни с чем не спутаешь. – Отстаньте от меня с вашим котом! Я его в глаза не видел!

– С каким котом?! – пролепетала я.

Корышев подозрительно прищурился и вздохнул:

– А вы разве не с третьего этажа?

– Нет.

– Обознался, – констатировал Корышев, но лицо его менее суровым не стало. – А вам тогда что?

– Не узнаете?

– И узнавать тут нечего, – буркнул он. – Мы не знакомы. И вообще, приключения по дамской части – не моё хобби, так что...

Пока он говорил, я слезала в задний карман джинсов и вытащила корочки:

– Питерская дружина!

Корышев только пожал плечами и развёл руками:

– Я в чём-то провинился?

– Да.

– Здесь не место для разговора, – Корышев посторонился и махнул рукой в квартиру. – Заходите.

Я поспешно убрала корочки обратно. Очень хорошо, что он не попросил раскрыть документ, потому что это были в самом прямом смысле всего лишь корочки, пустой бланк удостоверения. С год назад я стащила его в штабе в канцелярии и пользовалась им, чтобы показывать в транспорте и ездить бесплатно. Настоящее удостоверение мне никто бы не дал, подделывать его я бы никогда не стала, но на мелкое жульство решилась без особых угрызене-

ний совести. Правда, Макс, когда узнал, орал на меня и страшал тем, как стыдно мне будет, если когда-нибудь меня схватят за руку, но я-то знала, что стыдно мне не будет.

Корышев захлопнул дверь и пошёл впереди. Он был довольно высокий, заметно выше меня.

Вслед за Корышевым я вошла в длинный коридорчик, совсем узкий, словно окоп. Пока мы шли, на пути попался всего лишь один поворот, за которым мелькнула распахнутая дверь ванной комнаты, а закончился коридорчик впереди выходом в огромную студию.

Помещение с тремя окнами в одной стене и дверью, выходящей на крышу, было оформлено в стиле лофт и поделено на зоны: спальня, гостиная и кухня. Не сказать, что безмерно шикарно, кое-где даже с нарочитой небрежностью, но деньжищ всё это стоило точно немалых.

– Здесь можете говорить, – сказал Корышев. Он прошёл к дивану, взял валявшийся на спинке голубой халат и, подойдя к шкафу-купе около большой квадратной кровати, зашвырнул халат куда-то на полку. После этого повернулся ко мне. – Я слушаю.

– Вопрос первый: как давно к вам заходил надзорный дружинник?

– Пару недель назад, – протянул Корышев, равнодушно глядя на меня в упор.

– Вы имеете в виду Лабазникова?

– Ну, а кого же ещё? – спокойно удивился Корышев.

– А что, вы не в курсе, что вас прежний надзиратель погиб, и с прошлой недели у вас новый?

Корышев напряжённо сжал губы.

– Вот как? – обронил он. – Нет, я этого не знал. Жаль...

– Что именно вам жаль?

– Меня устраивал Лабазников. По крайней мере, он не мешал жить, как это иногда любят делать ваши собраты.

– И вы не знакомы с вашим новым надзирателем? Его зовут Максим Серов.

Корышев помотал головой:

– Даже не слышал.

– Значит, вчера Серов к вам не заходил?

– Нет.

– И не звонил, не назначал встречу на будущее?

– Да нет же! Иначе я бы, как минимум, был в курсе перемен, – раздражённо фыркнул Корышев. – Только вы сказали, что я в чём-то провинился. И в чём же?

– Вы украли мой телефон.

В лице Корышева сначала ничего не дрогнуло, только глаза невнятного серого оттенка слегка округлились.

– Как я мог что-то у вас украсть, если я вас впервые вижу? – удивился он.

– Ну, вы же были в пятницу вечером в кафе «Ориент-экспресс» на Поварском?

– Допустим.

– С братом поругались...

– Не поругался, а побеседовал, весьма мирно, – возразил Корышев и нервно сложил руки на груди.

– А потом пошли дворами к метро, там на вас напала шпана и избивала так, что вы едва в глубокой луже не захлебнулись...

– А вы что, мой биограф? – злобно скривился Корышев. – Не знал, что дружина ведёт за мной такую плотную слежку.

– Нет, я не биограф. И я за вами не следила. Но это я дала вам свой телефон вызвать такси.

– Ах, вот оно что... – пробормотал Корышев и принялся задумчиво потирать подбородок. – Никогда бы не подумал, что это были вы. Я вас не рассмотрел.

– Ну так рассмотрите теперь, – заявила я. – А ещё лучше будет, если вы мне вернёте мою вещь, прямо сейчас.

– Я сожалею, – печально вздохнул Корышев. – Я его потерял. Видимо, оставил в такси, положил мимо кармана... Надеюсь, он не был вам слишком дорог? Назовите сумму, я компенсирую материальный убыток.

С одной стороны, деньги бы мне не помешали. А с другой, Корышев не нравился мне ровно настолько, чтобы ничего от него не брать. И если телефон в самом деле потерян, то пошло оно всё...

– Не надо мне ваших компенсаций, – процедила я. – Как вы ещё голову в такси не оставили.

– Мог, – кивнул он и прижал руки к груди. – Вы только не подумайте, что я промышляю телефонами. Ничего такого не планировалось, разумеется. Мне действительно досталось в пятницу, да так, что я едва смог дотащиться до дома. И телефон ваш я забрал в общем-то случайно, на автомате, совершенно не соображал, что делаю.

– И что говорили, видимо, тоже не очень соображали.

– А что я говорил? – осторожно уточнил Корышев.

Я только усмехнулась.

– Послушайте, – на лице Корышева появилось выражение повинного страдания. – Позвольте хоть как-то реабилитироваться, если вы не желаете, чтобы я заплатил за телефон. Давайте, я вас кофе напою? У меня есть замечательный кофе, обжаренный на стружках апельсинового дерева. Пробовали?

Я покачала головой. Сомневаюсь, что такое диво было бы мне по карману.

– Спасибо, но мне надо идти.

Корышев улыбнулся ещё более виновато, чем раньше, хотя это, казалось, уже невозможно:

– Да много ли времени займёт чашечка кофе? Вам с сахаром? Со сливками?

– Безо всего, – буркнула я. – Люблю потреблять продукт как он есть.

– Мудро, – кивнул Корышев. – У вас как с боязнью высоты?

– Что?!

– Предлагаю выпить кофе на крыше. Если у вас, конечно, не появится непреодолимого желания перемахнуть через ограждение.

– Не появится.

– Тогда проходите туда, присаживайтесь, где захотите, – Корышев махнул рукой на дверь, ведущую на крышу. – Я принесу кофе через пять минут.

Я вышла на террасу.

Небольшая площадь, примерно пять на два метра, была надёжно огорожена со стороны края крыши, а вдоль двух других сторон устроено что-то вроде углового дивана из дерматина. Сейчас на него были брошены плоские подушки. Там же в углу стоял столик.

Я села за столик, опустившись на одну из подушек. Вид отсюда был и в самом деле ничего. Ну, конечно, крыши Петроградки это вам не вид на Исаакий, но ещё не все интересные дома извели в этой части Питера, а у интересных старых домов иногда бывают не менее интересные крыши. Сейчас, в первой половине дня на террасу Корышева падала тень, а вот вечером здесь можно и на солнышке понежиться, и отличные закаты наблюдать.

Из комнаты просочился крепкий ядрёный аромат кофе. Никакого апельсина я пока не почувствовала, но это было и не важно. Для того, чтобы хватило сил бежать дальше, порция крепкого кофе не помешает, с апельсином или без.

Я достала телефон, открыла список контактов.

Звонить Максу было нельзя. Надо, чтобы его телефон работал как можно дольше, тогда остаётся шанс его засечь. Но если ему будут звонить все, кому не лень, каждый непринятый вызов всё быстрее и быстрее будет снижать заряд батареи на его трубке. И если все начнут названивать, скоро названивать будет некуда.

И всё-таки я нажала на зелёную кнопку.

Вызов проходил, я слышала гудки, но никто не отзывался. Я опустила руку с телефоном и уже собралась нажать на отбой, как мне послышался приглушённый звук.

Я снова поднесла трубку к уху, но в таком положении я слышала только гудок из динамика. Опять опустила руку...

Два удара – хлопок... Два удара – хлопок... Очень глухо, еле слышно.

Я сбросила вызов, удары резко оборвались.

На крышу выбрался Корышев с маленьким подносиком. На нём стояли две небольшие чашечки с блюдами, а от приплывшего вместе с чашками аромата у меня даже голова закружилась.

– Пожалуйста, – Корышев вежливо улыбнулся и поставил одну из чашечек передо мной.

– Да, спасибо. Одну секунду... – я снова взялась за телефон.

Пока Корышев усаживался за столик с торца, я прислушалась. Всё было тихо. Не выдержав, я снова позвонила Максу. Он, как и прежде, не ответил. Опустив руку и телефоном и даже зажав его ладонью, чтобы не мешали гудки, я опять прислушалась. Откуда-то снова ритмично ударяло и хлопало.

– Это у вас телефон звонит?

– Какой телефон? – Корышев рассеянно хлопнул себя по нагрудному карману рубахи. – Нет.

– А квартирный?

– У меня носимая трубка, где-то валяется. Но её «дзынь» я ни с чем не спутаю. Где вы вообще слышите звонок?

– А вы не слышите? Музыка...

Корышев добросовестно прислушался:

– Музыка? Не музыка это, только ритм. Должно быть, от соседей прорывается.

Я торопливо нажала на сброс. Ритм стих.

Да, скорее всего. От соседей. Наверное, прямо под нами у кого-то открыто окно, а всё остальное – просто дурацкое совпадение. И всё-таки очень странно, что одновременно с тем, как я пытаюсь пробиться к Максу, где-то начинают включать «We will rock you». Ещё страннее, что выключают, как только я сбрасываю вызов. Будто бы кто-то знает, что эта песня у Макса поставлена мелодией звонка, и нарочно меня дразнит.

Я осторожно глотнула из чашечки. Настой был совершенно адской крепости, но послевкусие в самом деле приносило что-то цитрусовое.

Я посмотрела направо, на такую же мансарду с другой стороны дома. Там дверной проём, ведущий на крышу, был заложен свежей кирпичной кладкой.

– Сосед решил не рисковать. У него маленькие дети, – пояснил Корышев, проследив за моим взглядом.

Я взглянула на невысокую длинную надстройку вдоль крыши, что соединяла две мансарды. В ней не было окон, только низкая дверь посередине.

– Тут тоже живут?

– Нет, тут с послевоенных времён просто чердак, – отозвался Корышев.

Я, наконец, посмотрела и на него. Он опять глядел на меня в упор.

– Меня зовут Никита, – сказал он. – Впрочем, кажется, вы в курсе.

– Да, я в курсе.

– А давайте перейдём на «ты»? А то наша светская беседа не удаётся. У меня не получается ни поднять тебе настроение, ни извиниться. Ты по-прежнему на меня злишься.

– Я не злюсь. Потерянный телефон – это такая мелочь!.. – пробормотала я. – А настроение ты мне всё равно не поднимешь. Сегодня неподходящий для этого день.

– Как тебя зовут?

– Лада.

Он сжал губы, не то одобрительно, не то удивлённо:

– Прекрасное имя.

– Уж какое есть, – буркнула я, отпивая последний глоток экзотического кофе. – Спасибо, было очень необычно и вкусно.

– Тогда повторим? – Коришев вопросительно наклонил голову. – На этот раз добавлю щепотку корицы.

Я помотала головой:

– Нет, спасибо. Мне пора. Да и ты, как я поняла, кого-то ждёшь.

– Я жду, да. Но ко мне придут намного позже, а когда ты позвонила в дверь, мне почему-то подумалось, что тот, кого я жду, всё бросил и примчался раньше...

– Извини, что разочаровала.

– Ты не разочаровала уже хотя бы тем, что не оказалась девушкой с котом, – грустно улыбнулся Коришев.

– Что за кот?

– Соседка снизу добыла где-то номер моего квартирного телефона и повадилась названивать мне, как только её кот в очередной раз пойдёт по кошкам, – немного раздражённо пояснил он. – Почему-то ей кажется, что я заманиваю его в свою квартиру. Вчера она весь вечер грозилась прийти и проверить. Поэтому, когда я тебя увидел, решил, что это она выполняет свою угрозу.

– Ты не знаешь в лицо соседку по подъезду?

– Это так удивительно? Да, предпочитаю не знать.

– А кот? Ты его не заманиваешь?

– У меня на кошек аллергия, – мрачно отозвался Коришев. – К тому же я не видел его ни разу, даже не представляю, какой он масти.

– Никита, спасибо тебе за кофе. Я пойду.

– Посиди ещё, – попросил он неожиданно тихо.

– Зачем?

Он промолчал. Потом взглянул на меня грустно:

– Лучше бы ты была моим новым надзирателем. Ты, а не какой-то Максим Серов.

– Увы, это невозможно.

– Я знаю, что невозможно, – кивнул он. – Ты ведь не из дружины.

– Вообще-то... Я не дружинник, но я там работаю.

– Я так и подумал. Я знаю питерскую дружину. Не всю, конечно. Но я давно под надзором и знаю, что таких, как ты, они в оперативниках не держат.

– Каких это «таких»?

– Юных. Красивых. Добрых. И... уж извини... – Коришев стрельнул глазами в мою сторону. – ... легкомысленных.

– Это верно. Это ещё мягко сказано. Ещё поискать надо такую дуру, которая не пройдёт мимо гопников и полезет защищать неизвестно кого. А потом ещё, несмотря на то, что её посылают подальше, будет навязываться с помощью, подарит свой телефон, а в довершении картины ещё и придёт к этому ворюге и хаму кофе пить!

Коришев слушал и размеренно хлопал ресницами.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – сказал он смиренно. – Я прекрасно понимаю: ещё бы немножко, и они меня убили бы. Ты, Лада, мне жизнь спасла. Не хочу быть неблагодарным.

– Ты даже не представляешь, как легко я переживу твою неблагодарность! И не надо меня обхаживать. Я не стану на тебя жаловаться, и твоё досье не пострадает!

Я вскочила из-за стола и пошагала обратно в комнату.

За моей спиной Корышев поспешно поставил чашки на поднос и пошёл следом.

– Можешь меня не провожать, я не заблужусь! – заявила я, сворачивая в узкий коридорчик.

Корышев не стал меня ни догонять, ни окликать. Я уже прошла почти весь путь до двери, как в глубине квартиры раздался грохот, потом звон бьющейся посуды и глухой удар. Я развернулась и пошла назад.

Корышев лежал на полу у квадратного журнального столика, прямо на осколках разбившихся чашек, и силился подняться на ноги.

– Эй, ты что это?

Он как-то нетвёрдо отмахнулся.

Я побежала к нему:

– Никита, что с тобой?

– Перетянул... – простонал он, бросив попытки подняться, и откинулся на спину. – Время перетянул... Кокон давит...

– Не надо было затевать этот кофе!

– Да он-то тут причём? – он снова отмахнулся. – Ты иди, не обращай внимание на меня.

– Тебе помочь?

– Не надо, ни к чему. Я сам, я привык... Вот только растолкай подальше осколки, если не трудно, – попросил Корышев и перевалился на бок, поворачиваясь ко мне спиной.

Я присела, аккуратно собрала осколки – к счастью, они все были довольно крупные – и отнесла их в мусорное ведро.

Когда я вернулась к Корышеву, он лежал в той же позе, мерно и бесшумно дыша.

В просторной комнате становилось душно, но, если оставить открытой дверь на террасу, к ночи, а особенно под утро, может стать холодно. Поэтому я огляделась по сторонам, стянула плед с дивана и накинула его на Никиту.

– Да брось ты... Ну, зачем?.. – пробормотал он едва слышно.

– Затем, что замёрзнешь без одеялка.

Диванную подушку я ему под голову пропихнула с трудом, безвольное тело стало настолько тяжёлым, даже приподнять его за плечи мне было не под силу.

– Спасибо... И будешь уходить – дверь захлопни...

Последние слова он произнёс еле слышным шёпотом и затих.

Я осмотрела напоследок мирно уснувшую кикимору. Какой лёгкий кокон, везёт же некоторым. И не скажешь, что вторая группа.

Больше мне нечем было ему помочь.

Теперь выйти из квартиры, захлопнуть дверь и бегом обратно на Черняховского, к Эрику, к ребятам. Просто отсиживаться дома и ждать новостей я всё равно бы не смогла.

Стоя над Корышевым, я вытащила телефон и, отчаянно ругая себя за нетерпение, ещё раз позвонила Максиму.

«We will, we will rock you... We will, we will rock you...»

Громче. Намного громче, чем это было на улице. Словно где-то рядом. Не в студии, нет, но где-то в пределах квартиры или за ближайшей стеной.

Я кинулась искать, моля, чтобы у Макса подольше пожила батарейка в телефоне.

Громче всего песня Queen звучала в ванной комнате. Я перевернула там всё. Залезла во все шкафчики, корзины и ящики, вытащила из стиральной машины ворох одежды, приготовленной в стирку, но телефона не нашла.

Я сбросила вызов. Песня оборвалась.

– Эй, а ну-ка проснись! – бросилась я к Корышеву и попыталась растолкать его.

Ну да, куда уж там.

И тогда я набрала Барина.

– Дима, ты мне нужен, срочно!..

Глава 8

Воскресенье, пробок мало. Группа Баринава домчалась до Петроградки меньше, чем за полчаса.

Я рассказала Димке всё, что знала. Ребята устроили обыск и перевернули вверх дном всю квартиру. Попутно Баринов позвонил технарям, и те снова заверили, что система не числит телефон Макса работающим и не определяет его местонахождение, а в доме на улице Мира работают стационарные и мобильные телефоны, не имеющие к нашему делу никакого отношения.

И всё же неопределяемый телефон Макса пока ещё играл нам свою песню. Лучше всего слышно было в ванной и на крыше рядом с дверью на чердак. Ванную ребята перерыли ещё раз, а дверь на чердак, не найдя ключа, просто высадили и нашли то место, где звук был громче всего: у стены, граничащей с ванной Корушева. Но на чердаке не было ничего, кроме пыли. На полу чердака и на стене не было никаких дыр и выбоин, куда можно было бы припрятать телефон.

Звук был слышен – телефона нигде не было.

Баринов в четвёртый или пятый раз лично провёл эксперимент и позвонил Максиму.

Под аккомпанемент Queen он молча задумчиво покивал и сбросил звонок.

– Это ведь не может быть чёртовым совпадением, правда?! – с надеждой спросила я, потому что иногда мне начинало казаться, что у меня какая-то затяжная галлюцинация.

Баринов задумчиво надул и без того пухлые щёки, выдохнул и ответил неохотно:

– Может быть и совпадением, но по совокупности обстоятельств маловероятно.

– А по-человечески?

– По-человечески – покрепче тряхнуть надо вот этого, – Баринов кивнул на Корушева, что продолжал безмятежно спать посреди жуткого кавардака, который учинили ребята. – Он единственный, кто может что-то нам пояснить. Не может он не знать, что тут творится, это очевидно.

– Бесплезно его трясти, ты же видишь.

Баринов подошёл к кикиморе и несильно, но резко ударил его ногой под рёбра. Корушев только беспомощно мотнулся туда-сюда, не проронив ни звука.

– Дима, ну что ты делаешь?! – возмутилась я.

– Не дёргайся попусту, – примирительно сказал Баринов. – Я даже без замаха.

– Ты на себя посмотри! Тебе замах и не нужен!

Димка Баринов здоровый, высокий, плотный. С плохими физическими данными в дружину не берут, тут сила каждый день требуется. Не все гиганты, конечно, но слабаков нет ни одного.

– Лад, да всё нормально. Он тоже далеко не задохлик. Не покалечил я его, синяком отделается, – фыркнул Димка. – Возьмём его с собой, там разберёмся.

– Дима, какая разница, здесь или там? Если он всё равно в коконе?

– Вот это ты правильно сказала, – вздохнул Баринов. – Какая, к бесу, разница, где? Результат нужен нам сейчас, а где – неважно. Ведь так?

– Так, – ответила я, не раздумывая.

– Хорошо. Тогда вперёд, – решительно сказал Баринов и опустился на колени рядом с кикиморой. – Разговорится, как миленький.

Дальше всё чётко, по инструкции.

Уложить кикимору на спину. Баринов взял Корушева за плечи и развернул одним резким чётким движением.

Расстегнуть и снять одежду, обнажить кикимору выше пояса: а то из штанов попробуй вывернись ещё, а вот из рубахи, да ещё и с пуговицами – как нечего делать, и не удержишь, одна рубаха в руках и останется.

Подложить под лопатки что-то, чтобы голова кикиморы запрокинулась. Баринов использовал диванную подушку, которую я с таким трудом запихала Корышеву под голову.

Надеть тонометр. Баринов снял с ремня футляр, вынул напульсный тонометр, надел его на кикимору, включил.

Потом Димка достал из внутреннего кармана небольшую никелированную коробочку, чуть потолще портсигара, раскрыл. Внутри лежали несколько запроваженных инъекторов. Баринов взял один и замер, внимательно глядя в показания тонометра.

– Пульс ровный, но слабый. Придётся на шее вену поискать, – задумчиво проговорил Димка.

– Дим, а толк-то будет от всего этого? – печально спросила я. – Всё равно ведь так долго ждать.

– Не долго, – возразил Баринов, склоняясь над кикиморой и держа инъектор наизготовку. – Пять-семь минут, и очнётся.

– Это у тебя что, ментолин?! – изумилась я.

Баринов выпрямился и повернулся ко мне:

– Да.

– Ты что, с ума сошёл?!

– У тебя есть другое предложение? Я слушаю, – невозмутимо сказал Димка.

Если не делать ничего, спокойный кокон может продлиться до недели. Если использовать разрешённые активизирующие препараты, можно разбудить кикимору в пределах суток, реже двух. А ментолин рвёт кокон практически сразу. Но это жестокая физическая пытка, поэтому ментолин для применения в дружине официально запрещён. Если сейчас вколоть Корышеву этот шприц, крючить и колбасить его будет очень жёстко. Но Макс... Мой Макс попал в беду, и есть ли у меня выбор?

– Хорошо, Дима. Нет других предложений. Коли.

Баринов ободряюще улыбнулся мне, снова склонился над кикиморой и сделал укол.

Убрав использованный шприц обратно в коробочку, Димка взглянул на меня серьёзно:

– Лада, ты не выдавай меня, договорились?

– Я знаю, что некоторые ребята достают где-то эту дрянь и применяют. Марецкий, например. Но чтобы ты?!

Баринов не смутился, только стал ещё серьёзнее:

– Иногда в нашем деле без этой дряни не обойтись. Вот как сейчас, например. Не выдашь?

– Я с Карпенко не секретничаю, – отрезала я.

– Да Карпенко-то знает, – хмуро отозвался Баринов. – Ты Айболиту нашему не рассказывай. Мне будет стыдно ему в глаза смотреть.

Я только кивнула. Вот не мне теперь Димке мораль читать.

Баринов глянул на экран тонометра.

– Ребята! – окликнул он своих напарников. – Давайте сюда.

Парни подошли, опустили на пол по бокам от Корышева.

– Это вторая группа, не забывайте об этом, – строго сказал Баринов. – Не зеваем и не расслабляемся. Особенно тебя, Дэн, касается... Внимание, параметры критические.

Баринов встал над кикиморой на колени, потом уселся ему на ноги. Напарники таким же способом зафиксировали Корышеву руки.

– Давление поползло, – предупредил Баринов и поправил тонометр на кикиморе, повернул так, чтобы экран не разбился, если руку сильно тряхи будет. – Всё, ребята, работаем.

Они замерли, прижимая к полу совершенно безжизненное тело.

И тут Корышев дёрнулся. Потом ещё и ещё раз, всё чаще и чаще. Его тело напряглось и выгнулось на несколько секунд, а потом обмякло. Но дружинников не проведёшь, они своё дело знают. Парни ещё сильнее навалились на кикимору.

Корышев размеренно задышал. Вдох у него был бесшумный, а выдох сильный и хриплый, словно у тяжёлого астматика. И выдохи становились всё громче и отчаяннее, словно он хотел сбросить держащих его парней. Но он не хотел. Он пока ничего не хотел. Ему было больно, его мучили парализующие судороги по всему телу.

– Лада, ты выйди, что ли, – проговорил Баринов с досадой. – Не надо тебе на это смотреть...

Видела я это, и не раз. Ничего хорошего, мягко говоря.

Я просто отошла в сторону, присела на пол у дивана и, подтянув колени к себе, согнулась и спрятала лицо.

– А, чёрт! – сдавленно выругался Баринов. – Пульс взлетел... Дэн, я кому сказал, твою ж мать?! На дело смотри!

Через всего несколько секунд возились на полу и пытели уже все четверо. Корышев – высокий сильный мужик, а когда кокон сопротивляется разрыву, мышечная сила многократно возрастает и, помноженная на судороги, делает кикимору очень опасной.

Я слушала сопение ребят и мучительные стоны Корышева, и мне хотелось провалиться куда-нибудь.

– Та-а-ак, обоссался, наконец, – с облегчением отметил Баринов. – Отлично. Сейчас на спад пойдёт...

Прошла ещё пара минут, и Баринов деловито скомандовал:

– Отдыхаем немного, но не расслабляемся!

Я подняла голову.

Они посадили Корышева, завели ему руки назад, надели наручники и прислонили его к стене. Он больше не бился в конвульсиях, но дышал всё ещё с усилием. Лицо его было свекольного цвета, пот бежал струйками по щекам, по плечам, по груди. Глаза казались двумя чёрными дырками. И эти дырки смотрели прямо на меня.

Как же всё просто получается в этой жизни. Взять странного человека, который любит кофе, обжаренный на стружках апельсинового дерева, и за пять минут превратить его в едва живой обоссавшийся кусок мяса.

Корышев медленно провёл языком по губам.

– Воды хочешь? – спросил Баринов.

Кикимора медленно покачал головой.

– Как тебя зовут, помнишь?

– Я даже, как тебя зовут, помню, – сипло проговорил Корышев. – Давно не виделись, Дмитрий.

– Как себя чувствуешь?

– Только не надо делать вид, что это тебя заботит, – фыркнул Корышев с трудом.

– Штаны чистые дать?

Корышев посмотрел вниз, покривил губы и пожал плечами:

– Да зачем? Я ж не со страху, а по обстоятельствам, так что мне не зазорно. А вы нюхайте, вам не помешает.

Баринов пожал плечами и повернулся ко мне:

– Ну вот, Ладка, а ты боялась. Клиент – как огурец!

Да уж, боялась я точно напрасно. После такой встряски так чисто выйти из кокона и настолько безупречно держать себя в руках... Похоже, Корышев гуляет на свободе не благодаря связям мамы, а потому что научился идеально справляться со своим организмом и сумел это доказать.

Я встала и подошла к Баринову. Мы вместе присели перед кикиморой.

– Догадываешься, зачем мы тебя разбудили?

– Понятия не имею, – проворчал Корышев.

– Где Максим Серов?

– Не знаю, – коротко ответил, посмотрев в глаза сначала мне, потом Димке.

– А я думаю, знаешь, – сказала я.

Корышев повернулся ко мне. Его лицо постепенно светлело. Лоб уже принял нормальный цвет, только щёки и подбородок ещё пылали.

– Думай, что хочешь, запретить не могу, – проговорил он и хрипло покашлял. – Я ничего об этом не знаю.

– Макс собирался к тебе зайти. И я уверена, он заходил. Где-то здесь в квартире или рядом снаружи отзывается его телефон. Где он?

– Из-за той истории ты решила, что я телефонный клептоман? – устало пробормотал Корышев. – Я ничего не знаю о Серове. Не встречал его и не прятал его телефон.

– Ты врешь!

Кикимора пожал плечами и промолчал.

Я вынула телефон и вызвала Макса.

– Слышишь?

Корышев нахмурился, прислушиваясь.

– Слышу, – согласился он.

– И что это?

– Откуда мне знать?

Песня оборвалась. Я не сбрасывала вызов, но песня оборвалась. Я позвонила ещё раз: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети»...

– Дим, – жалобно сказала я. – Неужели трубка Макса разрядилась?!

Баринов приобнял меня и потёр моё плечо:

– Не паникуй. Мы всё выясним.

Я отвернулась, пряча лицо. Моих слёз никто никогда не видит, это моё правило.

– Слушай, Корышев... – Димка без злобы, но уже раздражённо повернулся к кикиморе. – Пропал наш товарищ, и это для тебя очень серьёзно, как ты понимаешь. Мы ж тебя наизнанку вывернем.

– У вас есть факты, что я к этому причастен? – вздохнул Корышев. – Музыка за стеной – это всего лишь музыка за стеной. А теперь у вас даже и она не играет.

– Но мы все, все четверо, можем подтвердить, что слышали звонок.

– Вы можете сказать, что слышали, но подтвердить это вам нечем, – усмехнулся Корышев. – Ищите, давайте... Я даже сопротивляться не буду. Можете разобрать полы, сломать стены, вскрыть потолок, но вы не найдёте здесь ни живого Серова, ни мёртвого Серова, ни телефона. Давайте, вперёд. Мне хоть будет, на что пожаловаться вашему начальнику. А так не жаловаться же мне на то, что вы ввели мне запрещённый препарат. Эка невидаль в наше время, прямо немыслимо представить...

Баринов молчал. Ситуация действительно оборачивалась не в нашу пользу.

– Слушайте, дружинники, – с плохо скрытым раздражением сказал Корышев. – Я не ем надзирателей ни на ужин, ни на завтрак. Оставьте меня в покое. Я не виноват, что вам что-то показалось, привиделось и послышалось. Снимайте с меня наручники и убирайтесь к чёртовой матери!

У Баринова грозно затрещала рация. Он потянул её из держателя на рукаве.

– ... Всем группам в районе Новолитовской и поблизости! Ситуация ноль! Срочно нужна силовая поддержка!

Димка с сожалением цокнул языком:

– Ну как назло, ни раньше, ни позже... Лад, я бы промолчал, но по нулёвке надо ехать.

– Ты кому объясняешь? – вздохнула я.

– Баринов на Мира! – отозвался он в микрофон. – Выезжаем на точку!

Там тоже какая-то беда на этой Новолитовской. И раз ситуация ноль, значит, или кто-то из наших, или обычные люди в опасности. И все дежурные группы, кто сравнительно недалеко, отзовутся и поедут, если, конечно, совесть не потеряли. Баринов не потерял.

– Ребята, в машину, быстро! – скомандовал Димка.

Его напарники моментально исчезли из квартиры.

Баринов нетерпеливо кивнул и мне:

– Ну, что стоишь? И ты давай в машину.

– Вам нельзя меня брать, ты же знаешь.

– А мы тебя в машине закрём. Отработаем вызов и сюда вернёмся. Этот... – Баринов мотнул головой в сторону кикиморы, – ... в наручниках и ссанных штанах из квартиры никуда не денется.

– Давай, я лучше здесь останусь. На всякий случай.

Баринов на несколько секунд задумался.

– Ладно, оставайся, – решил он. – С руками за спиной он будет вести себя хорошо...

Правда, Корышев?

Кикимора покосился на нас и, не открывая рта, утвердительно уткнулся.

Я пошла за Бариновым в прихожую.

– Ты повнимательнее с ним, – серьёзно сказал Димка, выходя из квартиры. – Так-то он в нашей конторе на хорошем счету, но сейчас он зол, оскорблён и унижен, поэтому лучше к нему близко не подходи. Не рискуй. Дождись нас. Я ещё по пути с Карпенко поговорю, расскажу всё, как есть, посмотрим, затеет он расследование по форме или скажет нам Корышеву извинения принести...

– И если извинения?

Баринов оглянулся, уже спускаясь с лестницы:

– Тогда извинимся. А душу из него потом всё-таки вытрясем. Я ж его насквозь вижу: он что-то знает, но не хочет говорить.

Я захлопнула дверь и вернулась в комнату. Корышев сидел на прежнем месте у стены, и его несильно, но заметно потрясывало.

Увидев меня, он демонстративно отвернулся.

Я села на диван, вынула телефон, набрала Макса. «Аппарат абонента выключен...»

Что же с тобой случилось, Максюша?

Я редко так его вслух называю, и только наедине. Он всегда напускает на себя такой суровый вид, и это с ласковым именем совсем не вяжется.

Когда ввели закон о поднадзорных группах, выяснилось, что я, так мечтавшая быть официально зачисленной в дружину, должна забыть об этом раз и навсегда. Всего лишь потому, что я дочь кикиморы. Поняв, что за мной теперь будут постоянно наблюдать, что надо мной будут стоять опекуны и держать свечку надзиратели, я была в отчаянии. Спасибо Карпенко, тогда он ещё отнёсся ко мне если не как к дочери полка, то как к сестре дружины, то есть, как к одной из них. И надзирателя выделил самого образцового, как он сказал. Я плохо знала Максима Серова: только в лицо да по имени, невозможно же завести приятельские отношения со всеми дружинниками сразу. Известно про него было только то, что он унылый педант и кикимор ненавидит. Так что, представив себе угрюмую физиономию сво-

его надзирателя, я поблагодарила судьбу за то, что плановые визиты по графику полагаются всего раз в две недели, и это можно пережить.

И началась моя жизнь в качестве поднадзорной. Максим приходил точно по графику. Был вежлив, вопросы задавал только предусмотренные инструкцией, подсовывал лист посещений на подпись, произносил все необходимые напутственные слова и исчезал. «Я занимаюсь с тобой ерундой», – сказал он мне как-то с досадой. – «Это такой бредовый закон! Ясно же, что ККМР к генетике никакого отношения не имеет». «Так не приходи, в чём дело-то?» – удивилась я. – «Давай, я тебе лист этот на год вперёд подпишу». Он только головой покачал: «Нет, будем делать всё, как положено. Надо так надо».

Он приходил, как и раньше, один раз в две недели по графику и иногда без предупреждения, записывая это в лист посещений, как внеплановый визит. Только дурацких вопросов по инструкции больше не задавал. Мы просто беседовали о том, о сём. Оказалось, что Макс совсем не угрюмый и не злой, что он много знает, умеет заразительно улыбаться и неплохо справляется с починкой бытовой техники. Руки у него были умелые, движения плавные, а вечно печальный взгляд... ну, что ж, видимо, была к тому причина.

Однажды он приехал внезапно, не в гражданском, как ребята обычно ходят по квартирам, а в форменной куртке, порезанной и заляпанной свежей кровью. Показал глубоко поротые царапины на шее. «Ты извини», – сказал он виновато. – «Я не могу в таком виде дома появиться. Мне надо привести себя в порядок. Пустишь?» Я обработала ему раны, выстирала, высушила и зашила куртку, не задавая вопросов. «Всё, можешь идти. Теперь жена не испугается». «Да не жена», – усмехнулся он. – «Я с отцом живу. У него от такого зрелища третий инфаркт случиться может».

И вот как-то раз я поймала себя на том, что к плановому визиту своего надзирателя стараюсь надеть одежду покрасивее. И мне казалось, что он это замечает. А на службе я пыталась не сталкиваться с ним и в рейды с его группой не напрашивалась. Мне казалось, что будет заметно, как я на него глазею.

«Зачем ты столько времени проводишь с кикиморами? В подвале за ними ухаживаешь, в рейды вмешиваешься?» – спросил он как-то, и в его голосе прозвучало осуждение. «Помогаю. Просто помогаю. Должен же им кто-то помогать», – ответила я. Макс тогда ничего не сказал, но было видно, что мой ответ ему не очень-то понравился. И мне это было неприятно. Я всё равно бы делала то, то считаю нужным, в любом случае, но оказалось, что мнение Макса для меня важно. И мне было нужно понять, почему он меня не одобряет. На следующий день я кинулась выведывать информацию о Максе, и знающие люди в дружине меня просветили, что несколько лет назад Максим потерял брата, который влюбился в девчонку-кикимору, жил с ней, любил-лелеял, научился помогать в коконах, а она убила его. Без умысла, конечно же. Просто так получилось, так у кикимор бывает. Мать Макса от такого горя оправиться не смогла и вскоре умерла, и теперь мой надзиратель своих поднадзорных кикимор не жалуется ещё сильнее, чем прежде, хотя на его работе это не отражается, он просто следует инструкциям.

Однажды Макс появился у моей двери поздно вечером с двумя огромными коробками с пиццей. «Это что, внеплановый визит?» – удивилась я. «Не совсем. У тебя чай есть? А то вот», – он тряхнул коробками. – «С самого утра поесть было некогда». «Так, что аж переночевать негде?..» – дёрнул меня чёрт за язык. «Нет, с этим-то как раз всё в порядке, – неловко усмехнулся он и пожал плечами. – «Извини, кажется, я плохо подумал... Ничего, поужинаю дома». Он ушёл, а я всю ночь прошмыгала носом на пустой кухне. Мне так хотелось как-то вернуть Макса, но я не представляла себе, как. Позвонить и сказать, что ничего такого я в виду не имела, и что он неправильно меня понял и зря ушёл? Чем дольше я раздумывала, позвонить или нет, тем этот звонок становился всё более бессмысленным. В следующий раз

Макс пришёл только в день очередного планового посещения и ничем не подал вида, что между нами что-то не срослось.

А потом мы всё-таки оказались вместе в одном рейде. Ловили молодую женщину-кикимору, которая не выдержала разлуки с семьёй, соскучилась по детям и бросилась из интерната в бега. Поймали мы её под Питером в глухой деревеньке, загнали на какой-то полусгнивший деревянный мост над речкой. Она пригрозила, что прыгнет вниз. Мост был не особо высокий, пусть бы и прыгала, пожалуй, но кто-то из местных сказал, что там внизу очень мелко, и большие валуны. Стоило столько за ней бегать, чтобы в итоге получить труп. Я пошла с ней поговорить. Женщина была на взводе и слушать меня не очень-то хотела. Дело было ночью, а ночью кикиморы бывают особенно непредсказуемы. Слушала она меня, слушала, и уже вроде даже согласилась смириться и поехать с нами, как вдруг с силой спихнула меня с моста и бросилась бежать. Я зацепилась за крайнюю доску, понимая, что через несколько секунд руки всё равно разожмутся и я навернусь на те самые валуны за милую душу. Так бы и случилось, но подоспел Макс, схватил меня за руку и вытащил обратно на мост. Как уж у него получилось меня, оглоблю этакую, так элегантно, одним рывком вытянуть из-под моста, это загадка. А он мало того, что вытянул, обнял так, словно у него что-то безумно дорогое чуть не отняли. «Ты как?» – спросил. «Как, как... – проворчала я. – Ты мне, похоже, плечо вывихнул. Болит...» Он только засмеялся тихонько. А ребята тем временем кикимору всё-таки отловили, и Макс отправил их с добычей в Питер, сказал, мы с ним своим ходом доберёмся, потому что уже некуда торопиться. И мы не торопились. Мы нашли заброшенный дом на краю деревни, а в нём закуток, над которым не текла крыша. И мы любили друг друга так, будто ему завтра на фронт, а мне рыть окопы, и неизвестно, когда в следующий раз судьба сведёт.

Через пару дней Макс перевёз ко мне кое-какие свои вещички. И моя замечательная квартирка стала совсем замечательной, потому что в ней теперь всё работало, и ничего больше не ломалось. И мебель теперь стояла так, как мне хотелось. И деньги квартирной хозяйке платились без задержек. И было, для кого варить рассольник и печь вафельный тортик. И были рядом эти добрые и умелые руки и эти печальные глаза странного цвета. Я специально изучала в сети палитру синего: «синяя сталь» – такого цвета глаза у Макса.

Мы жили вместе почти два года и ничего не собирались менять.

Макс добрый и надёжный, и со мной не могло больше случиться ничего плохого, потому что он рядом. О том, что с самим Максом может что-то случиться, я не думала, чтобы не накликать беду. Но беда, как оказалось, сама с усами.

И вот теперь аппарат абонента выключен.

Всё ещё веря в чудо, я снова вызвала Макса. Бесполезно...

– Что ты так мучаешься?

Я вздрогнула. Размечтавшись в квартире Корышева на его диване, я как-то забыла о его существовании. Он же сидел на прежнем месте, только чуть развернулся, видимо, руки затекли.

– А ты что, утешить хочешь? – огрызнулась я. – Тогда скажи мне, где Макс?

– Сними наручники, мне переодеться нужно.

– Надо было соглашаться, когда тебе предлагали. Жди теперь. Ребята приедут, они тебя и переоденут.

Корышев тяжело вздохнул:

– Да не бойся ты, я уже совершенно очухался. Голову распирает, но это просто давление никак не успокоится. Кидаться на людей мне не с чего.

– Мне не оставили ключа, а открывать наручники скрепкой я не умею, – я встала с дивана. – Где здесь аптечка?

– Зачем тебе?

- Дам тебе что-нибудь от давления.
- В кухонном буфете правый верхний ящик.

Я перебрала упаковки с лекарствами, нашла нужную и принесла Корушеву таблетку и стакан воды. Он послушно открыл рот, а потом жадно осушил стакан.

- Спасибо, Авва.
- Как ты меня назвал?!
- Корушев захлопал глазами:
- Ты что, впервые слышишь?

Нет, конечно, не впервые. Сначала я узнала, что Эрика за глаза называют Айболитом, и это мне даже понравилось. Нравится ли Эрику, неизвестно. Сомневаюсь даже, что он в курсе. А вот потом я выяснила, что у книжного Айболита была верная помощница – собака Авва, и у нашего Айболита тоже такая есть, и это я.

- Не называй меня так. Мне не нравится собачья кличка.
- Все претензии к Чуковскому, – пожал плечами Корушев.

– Откуда ты знаешь об этом? Я не помню, чтобы ты бывал у нас в подвале за то время, пока Эрик там работает.

– Да это весь Питер знает, – пожал плечами Корушев. – Все питерские кикиморы, кто и не бывал у вас в подвале, всё равно знают, что там есть добрый доктор и его очаровательная помощница.

- Не зли меня!
- С утра ты не была настолько злой. С утра ты меня жалела, одеялком вон накрывала... Слово «одеялко» Корушев произнёс с насмешкой. С мягкой, но всё-таки насмешкой.
- Я тогда не знала, что ты мне солгал.

Корушев пошевелился, подёргал затёкшими плечами.

– Послушай меня, Лада, – сказал он спокойно. – Если мы сейчас дождёмся возвращения дружинников, это ничего не даст. Они могут отвезти меня к вам на Черняховского и сунуть в камеру. Могут наколоть меня ментолином и дожидаться, пока я сдохну от нескольких инсультов подряд. Могут придумать мне ещё какую-нибудь пытку. Это бесполезно, потому что они услышат только «я ничего не знаю». Но...

Он выгнулся, покрутил головой, покачался из стороны в сторону.

– Что «но»?!

– Но, если мы с тобой договоримся, – произнёс Корушев и посмотрел мне в глаза. – Если обойдёмся без славных дружинников... То, возможно, ты получишь то, что тебе нужно.

Я знаю, что считается, будто первое впечатление о человеке, самое первое, на уровне инстинкта – самое верное. Но Корушев произвёл на меня уже не одно первое впечатление, будто бы я не одного человека повстречала, а нескольких. Сначала я увидела нелюдима, у которого проблемы с родственниками. Потом гордого упрямого хама. Сегодня утром это был вежливый, радушный парень, в чём-то даже очаровательный. Позже – мужественный человек, вынесший физические страдания и не потерявший достоинства. А теперь это был самый настоящий манипулятор, хитрый и знающий себе цену.

– Ты просто пытаешься меня заболтать, чтобы я тебя освободила. Не выйдет.

Он покачал головой и ничего не ответил.

– Ты знаешь, где Макс?

– Допустим, знаю.

Я бросилась к Корушеву, вцепилась ему в плечи:

– Он жив?!

– Должен быть, – сказал Корушев задумчиво. – Не вижу причин, с чего бы ему умереть так быстро. А как дальше дело пойдёт, неизвестно.

– Где он?! Говори, где он!

– А вот это – предмет договора, – произнёс Корышев спокойно.

– Я не могу снять с тебя наручники!

– Да не больно-то мне это и нужно, – усмехнулся он.

За его спиной что-то упало на пол с глухим стуком. Корышев пошевелился и вытащил из-за спины руки:

– Вот и вся проблема.

Он встал, пошатываясь. Нераскрытые наручники остались лежать у стены.

– Как ты это сделал?!

– Слишком подвижные суставы. Иногда это мешает, а иногда, как видишь, очень кстати, – ответил Корышев.

Подойдя к шкафу, он достал какие-то тряпки.

– Мне надо в душ. Я быстро, никуда не уходи, – сказал он и вышел. Почти сразу же в ванной полилась вода.

Мог бы и не предупреждать. Можно подумать, что после всего увиденного и услышанного я могла вот так просто встать и уйти. Хотя, возможно, уйти следовало, ради собственной безопасности.

Вернулся он в самом деле быстро, в тёмных джинсах и бордовом джемпере. Улыбнулся мне, как старой знакомой, хотя улыбка оказалась вымученной. Ещё бы, разрыв кокона не проходит бесследно даже для таких выносливых экземпляров.

– Никита, где Макс? Я хочу видеть его. Немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.